

Андрей Ливадный

Чёрная Луна

*Часть сборника
Чёрная Луна (сборник)*

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Чёрная Луна

«Автор»

1999

Ливадный А. Л.

Чёрная Луна / А. Л. Ливадный — «Автор», 1999 — (Экспансия: История Галактики)

Наследник знаменитого адмирала Воронцова, некий Джедиан Ланге, ученый и политик, пользуясь полученной властью, начинает масштабный эксперимент по изучению реликтовых жизненных форм, найденных при раскопках на базе «Черная Луна». Этот эксперимент быстро переходит не только этическую грань, но и понятие здравого смысла. Однако Джедиана мало волнуют судьбы миллионов людей, едва начавших строить новую жизнь после завершения Галактической войны.

© Ливадный А. Л., 1999

© Автор, 1999

Содержание

Часть 1.	5
Глава 1.	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Часть 2.	30
Глава 4.	30
Глава 5.	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Ливадный

ЧЕРНАЯ ЛУНА

Часть 1. КУСКИ МОЗАИКИ

Глава 1.

2717 год Галактического календаря. Орбитальная база военно-космического флота Конфедерации Солнц, кодовое название «Чёрная луна»...

Вахтенный офицер, сидящий внутри небольшой наблюдательной сферы, повернулся к своему командиру, который в ожидании, пока космический корабль войдет в шлюз станции, мерил шагами узкое пространство блистерного купола.

– Сэр, они причаливают!

Взглянув сквозь выпуклое бронестекло наблюдательного поста, откуда просматривалась панорама причальных доков и внутренних посадочных площадок огромного ангара, он молча кивнул.

Генерал Дмитрий Алексеевич Дорохов, в прошлом – командующий ударным флотом Свободных Колоний, был человеком незаурядным. Несмотря на опалу, следствием которой явилась ссылка на расположенную в глубоком космосе секретную базу, он сохранил все черты кадрового, боевого офицера. Независимо от тех политических ветров, что веяли в Обитаемой Галактике, его амплуа оставалось неизменным: этот крепкий, жилистый, подтянутый старик, чью голову украшал короткий ежик седых волос, служил не политическим партиям, а свободе. Той свободе, за которую начал проливать кровь, когда пламя Галактической войны одну за другой пожирало планетные системы, ставя под сомнение сам термин «человечество».

Услышав доклад, он отключил мобильный коммуникатор и широким шагом направился к предшлюзовой площадке, где, кроме двух космических пехотинцев, застывших, словно изваяния около внутреннего люка, выстроились два взвода почетного караула.

На панели приборов мигали огни, затем вдруг резко зашипел стравленный из системы пневмоуплотнения воздух, и внутренний люк начал медленно отползать в сторону.

Дорохов ожидал, что на пороге шлюза появится сам адмирал Воронцов.

Этот человек занимал особое место как в иерархии относительно молодого Галактического сообщества планет, так и в сердцах тех, кто прошел страшными дорогами противостояния Земли и Колоний.

Главнокомандующий флота Свободных Колоний, основатель Форта Стеллар и автор Военной Доктрины Конфедерации Солнц прожил двести один год. Никто не знал, чего больше в организме этого человека – кибернетических цепей, связанных с сервомоторными протезами, или живой плоти. Это являлось государственной тайной Конфедерации.

По обыкновению, он носил черную форму офицера космического флота, под которой искусно прятались системы жизнеобеспечения и детали спецкорсета. Дорохов, прекрасно понимал причину такого постоянства. Он тоже предпочитал старую форму боевых подразделений. Как однажды признался сам Воронцов, помимо личной приязни к этому цвету, так похожему на чернильный мрак космического пространства, форма постоянно напоминала ему о том времени, когда, будучи еще молодым лейтенантом, он возглавил остатки разгромленного

флота Колоний и повел уцелевшие корабли против эскадр Земного Альянса. По словам самого командующего, это позволяло забывать о неумолимом течении лет.

Впрочем, несмотря на годы, взгляд Воронцова всегда оставался столь же холоден и спокоен, как в тот день, когда он, устранив своего командира, принял на себя все бремя ответственности за судьбу Свободных колоний... Перед ним трепетали, его боялись, многие откровенно ненавидели, но он стоял вне досужих сплетен, как монумент, живой памятник своей эпохи.

...

...Люк, наконец, открылся, и генерал, который уже приготовился пройти навстречу командующему, чеканя шаг по гулким плитам предшлюзовой площадки, в буквальном смысле слова остолбенел.

Вместо Воронцова в овальном проеме люка появилась фигура человека средних лет. Он был одет в парадную форму главнокомандующего Конфедерации, и потрясенному до глубины души старому генералу вдруг показалось, что это какая-то насмешка, вызолоченный паяц, непонятно кем и зачем посланный на «Черную луну». За спиной прибывшего виднелись два молодых адъютанта в форме полковников.

Дорохов сглотнул, пытаясь привести в норму свои нервы. Он никак не мог взять в толк, что происходит, и отделаться от предосудительного ощущения, что вместе с этими тремя фигурами в золоченой форме предшлюзовую площадку военной базы заполнил тонкий сладковатый запах духов из светских салонов Форта Стеллар...

Общее замешательство стало очевидным. Даже часовые у шлюза напряглись и побледили.

Главнокомандующий военно-космических сил Конфедерации Солнц остановился перед окаменевшими космическими пехотинцами из состава почетного караула и, вскинув тонкую, ухоженную бровь, вопросительно посмотрел на генерала.

В этот момент Дорохов наконец узнал прибывшего, и страшное предчувствие разлилось в груди старика могильным холодом.

Джедиан Ланге... Внучатый племянник адмирала Воронцова... Наследник системы Рори и Форта Стеллар... Росток того поколения, что взросло на обильно удобренной ниве войны...

Преодолевая нарастающий внутри холод и отвратительную старческую дрожь, предательски поселившуюся в ногах, Дорохов сделал над собой усилие и пошел навстречу новоявленному командующему.

Тот повернулся и спокойно ждал, пока генерал шел к нему сквозь своеобразный тоннель, образованный двумя шеренгами почетного караула.

Наконец, вдоволь насладившись зрелищем всеобщего замешательства, он сам, будто смиловавшись, сделал шаг навстречу командиру базы.

– Господин адмирал!.. – начал было Дорохов, но Ланге остановил доклад милостивым жестом, от которого Дмитрия Алексеевича едва не передернуло.

– Сожалею, генерал, – спокойно, даже с ноткой презрительного снисхождения в голосе, произнес Джедиан, – но я прибыл с печальной вестью. Мой дядя, адмирал Воронцов, скончался.

При этих словах легкий вздох пробежал по шеренгам присутствующих на встрече, лишь губы двух полковников-адъютантов остались плотно сжаты.

– Это огромная потеря для Конфедерации Солнц, – продолжил Джедиан. – Но мы не можем остановить течение времени, верно? – спросил он, глядя на Дорохова, который на глазах постарел на добрых два десятка лет. – Обстановка в Галактике складывается таким образом, что у нас нет времени на скорбь, генерал... Я, как наследник Форта Стеллар, являющегося главной опорной базой флота Конфедерации, продолжаю миссию адмирала Воронцова. Высший Совет союза Центральных Миров правильно оценил существующую ситуацию и под-

твердил мои полномочия как преемника должности командующего флотом. Думаю, что необходимый пакет сообщений уже передан по станциям Гиперсферной Частоты, и вы, генерал, сможете ознакомиться с документами в любой момент.

Его речь была гладкой и правильной. Если Дорохову не изменяла память, Джедиан Ланге занимал должность начальника штаба флота и специализировался, помимо номинальных функций в штабе, на нейрохирургии, психологии и кибернетике. В частности, печально известный «мыслесканер» был именно его детищем.

Пауза неоправданно затянулась, и генерал, вздрогнув, поднял взгляд.

В отличие от Воронцова, который, навеяв ужас, всегда оставался *военным*, его внучатый племянник производил ощущение *политик* а. Это были два очень далеко отстоящие друг от друга понятия, и Джедиан Ланге, по-видимому, прекрасно осознавал существующую разницу. По его лицу несложно было догадаться, что он, в частности, делает сравнение в свою пользу. Впрочем, как впоследствии удалось убедиться Дорохову, он имел право на подобную самоуверенность. Если Ланге по сравнению с Воронцовым и выглядел вызолоченным паяцем, то это был самый опасный паяц из тех, кого приходилось встречать старому генералу. В нем так же, как и в адмирале, присутствовала сила, но она была совершенно иного сорта...

– Господин командующий! На вверенной мне базе космического флота никаких происшествий не зарегистрировано! – сделав над собой усилие, наконец, отрапортовал генерал. О том, что Ланге действительно утвержден на должность командующего, он не сомневался.

– Вот и хорошо, генерал, – мягко остановил его Джедиан, покончив таким образом с официальной частью встречи. На его лице внезапно проступило выражение скуки. – Отведите отдельные каюты для моих адъютантов и распорядитесь подать обед в помещение, снабженное видеоаппаратурой, – приказал он.

Дорохову оставалось лишь одно – выпрямить спину и отдать воинский салют.

* * *

– Итак? – Джедиан Ланге взял салфетку и промокнул ею губы. Потом скомкал, бросил в тарелку и обернулся к обзорному экрану, на который проецировалось изображение трех темных, будто покрытых сажей, планетоидов.

Ничто не освещало их сумрачную, лишенную воздуха поверхность. У системы отсутствовала звезда, и три планетоида, каждый размером с небольшую луну, вращались вокруг единого центра масс.

Как сложилась такая космическая система, оставалось только гадать.

Между тремя близко расположенными друг к другу планетами в точках Лагранжа системы висело несколько космических станций. От них тянулись невидимые глазу силовые тоннели, которые оканчивались обозначенными крохотными искрами габаритных огней силовыми сферами.

Внутри этих незримых сфер, диаметр которых составлял сотни километров, было заключено нечто непонятное и совершенно непривычное человеческому глазу.

В компьютерных файлах станции «Черная луна», осуществлявшей общий контроль за силовыми сооружениями, сферы именовались «инкубаторами».

Внутри циклопических энергоконструкций, среди парящей в вакууме аппаратуры, комплексы которой простирались километровыми секциями, происходили таинственные и непонятные процессы.

Нужно сказать, что Джедиан Ланге впервые воочию наблюдал за действием такого производства.

Через силовые тоннели в один из инкубаторов беззвучно проскользнула глыба льда и камня, взятая с поверхности одной из планет этой загадочной системы. Пролетев по строго

рассчитанной траектории, километровый обломок попал в мощное гравитационное поле и был зафиксирован под прицелом лазерных установок.

Прошло несколько минут, и лазеры начали резать глыбу своими лучами, осторожно растапливая лед. Внутри силовой сферы за клубилось облако из пара, пыли и микроскопических частиц. В плотном первобытном супе сновали автоматические зонды. Они отбирали образцы и сбрасывали их в камеры экспресс-анализаторов.

За всеми процессами неусыпно следили компьютеры.

Секретный комплекс «Черная луна» проводил исследования чуждой человеку жизни, которые велись тут с тех пор, как при строительстве стратегического космопорта на поверхности одной из планет, которая, как и база, именовалась Черной луной, строители-первопроходцы обнаружили руины немыслимо древнего сооружения.

– Это запись? – спросил Джедиан, наблюдая, как лазеры режут доставленную с поверхности планетоида глыбу.

– Да, господин адмирал, – ответил ему Дорохов. – Запись основного события.

– Остановите. Я хочу услышать всю предысторию. Меня не удовлетворила техническая справка из компьютерной базы данных.

Дмитрий Алексеевич кивнул. Он был подавлен, но держал в узде собственные эмоции. Подчиняясь его знаку, адъютант встал и подошел к огромному, поделенному на сектора экрану. Произведя переключение, он повернулся к Джедиану Ланге.

Теперь один из участков составного экрана демонстрировал компьютерную модель системы. Планеты выглядели как футбольные мячики, обтянутые зеленой паутиной координатных сеток. Между ними пульсировали нити траекторий, и алыми контурами горели действующие орбитальные комплексы. Многие объекты в общей схеме были закрашены в фиолетовый и синий цвета – это были те места, где еще велась стройка.

– Разрешите, господин адмирал?

– Да, офицер, прошу вас, начинайте. – Джедиан откинулся в кресле, приготовившись слушать. Остальные офицеры за большим овальным столом не меняли своих поз, им казалось неинтересным смотреть на экран, потому как картины окрестного космоса да и компьютерная модель системы приелись им до крайности. И даже факт прямой причастности к неким историческим событиям уже давно не являлся для подавляющего большинства этих людей поводом к какому-то воодушевлению. Для них это казалось прежде всего скучной и серой службой – так, рутина будней в тесных отсеках засекреченной, обложенной пространственными минными полями космической базы.

Офицер у экрана тактично откашлялся.

– Первоначально комплекс «Черной луны» проектировался как стратегический секретный космодром, – начал пояснять он, водя лучом лазерной указки по темной поверхности экрана, отчего алый курсор перебегал от одного участка схемы к другому.

Джедиан, который пристально рассматривал изображение трех темных планетоидов, вскинул бровь. Эти луны явно когда-то являлись спутниками намного более крупного небесного тела, но сейчас оно исчезло, и три темных шарика кружили вокруг некой незримой точки, словно кабинки детской карусели вокруг столба...

– Подождите, офицер, но, мне кажется, в системе чего-то не хватает, верно? – высказал вслух свои сомнения Джедиан. – Я далек от глубинных познаний в астрономии, – развел он руками, – но, по-моему, тут должно быть солнце... ну, я имею в виду – какая-нибудь звезда, верно? Или я ошибаюсь? – Он перевел взгляд на офицера, который на секунду замешкался, очевидно, соображая, как лучше сформулировать ответ.

– Нет, господин адмирал, ваш вывод абсолютно справедлив, – наконец ответил он ровным, нейтральным тоном. Генерал Дорохов специально держал при себе несколько таких вот буквоедов, которые по своей натуре, конечно, являлись сволочами и бюрократами до мозга

костей, но в подобных ситуациях эти чудные образчики штабных крыс, способные довести до бешенства любого боевого офицера флота, оказывались попросту незаменимы.

– Черная луна была избрана для строительства космодрома именно в силу отсутствия тут солнца. – Словно стремясь подтвердить собственную репутацию, пустился в пространные и монотонные пояснения вызванный к экрану офицер. – Такие планеты невозможно обнаружить визуально, а они, в свою очередь, являются источниками неограниченных материальных ресурсов для строительства необходимых коммуникаций. Существенная выгода достигается за счет присутствия естественной гравитации на поверхности планет...

– Ближе к делу, – уже не скрывая ноток раздражения в голосе, остановил его Джедиан. – Было тут когда-нибудь солнце или нет?

Офицер у экрана бросил растерянный взгляд на Дорохова.

Генерал едва заметно кивнул. Ланге нахмурился, заметив этот обмен мимикой.

– Да, господин командующий. Звезда была, – поспешно, будто извиняясь за заминку, доложил офицер.

– И куда она делась? – Глаза Джедиана сузились, выдавая раздражение, которое он не считал нужным скрывать.

– Она была аннигилирована, сэр... – не очень уверенно сообщил офицер. – По данным изотопного анализа, это произошло около трех миллионов лет назад.

– То есть когда наши предки носились по Земле на четвереньках? – усмехнувшись каким-то своим мыслям, уточнил Ланге.

– Так точно, сэр! Слои остекленевшего базальта и шлакообразный реголит на поверхности трех планетоидов говорит о том, что звезда сгорела в катастрофической вспышке... Однако это никак не влияет на расположение стартовых площадок, и отсутствие солнца, как я уже докладывал, является...

На этот раз Джедиан Ланге обернулся непосредственно к Дорохову, очевидно не доверяя компетентности и осведомленности штабного офицера. Он прекрасно знал штабную кухню и понимал, что его еще не восприняли всерьез и пытаются заморочить голову второсортными сведениями, как обыкновенного проверяющего.

– Генерал... – подавив раздражение, укоризненно произнес он.

Дорохов понял.

– Все свободны... – глухо произнес Дмитрий Алексеевич, машинально сцепив руки в замок. – Адьютанты и секретари тоже.

Через минуту зал совещаний опустел. За огромным овальным столом остались лишь Дорохов и Джедиан.

– Генерал... – достаточно мягко произнес новый командующий, пристально посмотрев на Дорохова, который сидел в противоположном конце стола, по-прежнему сцепив руки в замок. – Вы удручены смертью Воронцова. Я искренне разделяю вашу скорбь. – Ланге взял бокал и сделал глоток. – Хотите, скажу, о чем вы сейчас думаете? – спросил он, разглядывая на свет рубиново-красную жидкость.

– Сэр, я...

– Не стоит, генерал, – прервал его извинение Джедиан. – Вы думаете о том, что со смертью Воронцова уходит в прошлое целая эпоха. Эпоха Галактической войны. Эра героизма. Вы смотрите в будущее и не видите там ничего, кроме почетных проводов в отставку, ибо власть, по вашему мнению, перешла в руки политиков – людей многоликих, лживых и нечистоплотных. Отчасти вы правы... – неожиданно усмехнулся он. – Но только отчасти, поверьте.

– Господин командующий... – опять попытался возразить Дорохов, но Ланге заставил его замолчать властным жестом.

– Нет. Не нужно фальшивых извинений. Я хочу, чтобы вы поняли, как это ни прискорбно для вашего образа мышления, что я, – он подчеркнул интонацией последнее слово, – не вре-

менщик. Я именно тот, кто пришел на смену адмиралу Воронцову... Я человек нового поколения, – немного помедлив, сформулировал Ланге. – Те методы, что годились в тяжкие дни гибели планет, сейчас трансформируются в нечто более мягкое и неосязаемое, – пояснил он. – Одна война закончилась, но грядет другая, не менее страшная. Она уже идет, но никто не заметил ее начала, потому что на данном этапе – это война умов. И только в том случае, когда капитулируют умы, в бой ринутся боевые крейсера.

Дорохов кивнул, но это скорее был жест обреченности, чем понимания. Джедиан действительно умел убеждать, но генерал тоже прошел суровую школу жизни и имел свой взгляд на многие ее аспекты.

– Мне непонятно, – глухо произнес он. – Разве человечество не испытало подобного раньше? Разве история не повторяется, но только в больших масштабах? – Дорохов поднял тяжелый взгляд на своего нового начальника, и тому показалось, что вопрос вырвался у Дмитрия Алексеевича против воли.

– Что вы имеете в виду, генерал? – осторожно переспросил Ланге.

– Этот комплекс, – ответил Дорохов. – «Черную луну»... Мы копаемся в прошлом, но это я еще могу понять и оценить, только для чего? Разве для истории, во имя знаний о Предтечах человечества?! – На лице генерала появилось усталое выражение, словно он не один раз уже задавал самому себе данный вопрос. – Посмотрите, – он переключил изображение, – сюда стекаются образцы из кометных ядер, частицы блуждающих в пространстве астероидов, пробы космической пыли... Мы собираем и аккумулируем тут не просто любопытные для науки фрагменты прошлого. Уже найдены десятки низших форм древней жизни. Эти микроскопические существа настолько чужды современному метаболизму, что дай им волю – выкосят человечество в один год. Всех. И правых, и виноватых, и негодяев, и святых. У нас нет ни иммунитета, ни средств борьбы. По-моему, звездные эскадры – это более честный и более бескровный путь.

Джедиан поморщился. Внутренне он, конечно, готовился к подобному разговору, но не думал, что все случится так скоро и недвусмысленно. В Форте Стеллар, откуда он только что прибыл, в ходу были иные приемы построения политических диалогов.

– Вы преувеличиваете, генерал. Путаете политику сдерживания с глобальной войной... – тем не менее ответил он, стараясь, чтобы голос звучал как можно честнее и доверительнее. – Ее не случится только потому, что миллионы людей не хуже вашего представляют себе фатальные последствия таких действий. Страх, – он усмехнулся, произнеся это слово, и поставил бокал, как бы заверяя свою мысль. – Страх, господин Дорохов, – вот тот инструмент, что приведет к миру! – заключил он.

– На страхе не вырастишь ничего, кроме ненависти, – покачал головой Дмитрий Алексеевич. – Уже испробовано.

На этот раз Джедиан едва не вспылil.

– Вы считаете себя чистым? – Он скинул ногу, брошенную на колено, и подался вперед. – Или Воронцова?

– Он спас Колонии. Он создал Конфедерацию. Он дал нам шанс жить...

Глаза Ланге сузились:

– Вы рассуждаете, как догматик! Воронцов – фигура, не отрицаю, но он был столь же подл, жесток и нечистоплотен, как и любой из нас! – Джедиан вдруг откровенно завелся. – Конфедерация построена на костях, но кто об этом помнит?! Никто! Никто не помнит о том, что творил мой двоюродный дед во имя мира и победы над силами Альянса! А ведь он убивал, казнил, предал собственного сына, изменил присяге, он уничтожал целые планеты! Но теперь все поросло былью... Он вдруг стал ЭПОХОЙ, о которой сожалеют. Боль прошла. Умерли те, кто потерял родных. Не осталось живых свидетелей. А наша память всегда страдает избирательностью! Мы помним одно и забываем другое. Но жизнь-то продолжается. И наши враги, как на Земле, так и в других галактических альянсах, развиваются, живут. Двигаются вперед.

А вы предлагаете Конфедерации застыть на уровне рыцарства. – Немного поостыв, Джедиан откинулся назад, в мягкие объятия кресла. – То время, когда один крейсер мог решить судьбу цивилизации, к сожалению, или, быть может, к счастью, уже прошло... – Ланге был прирожденным оратором. Прошло несколько секунд, а он уже говорил спокойно, обдуманно и убежденно: – Безвозвратно прошло, генерал. Нас слишком много, мы сложны... каждый год осваивается по несколько планет, человечество растет, и пока вы будете корить одного, нарушившего этические нормы Конфедерации, другой всадит вам нож в спину!

– Значит, конец? Все сызнава? – с какой-то надломленностью в голосе спросил Дорохов, который по-прежнему сидел, сцепив пальцы рук и не поднимая глаз на нового командующего.

– Не сызнава, Дмитрий Алексеевич, – мягко, почти вкрадчиво ответил ему Ланге. – Это прогресс. Другой уровень развития. История не стоит на месте и не терпит пустоты. Пройдут годы, одни нации вымрут, другие разовьются, и я, и вы – все мы превратимся в символы, и наши человеческие страхи, сомнения, убеждения уже не будут никого трогать. Останется лишь главная оценка действий: смог или нет. Удержал мир или сорвал лавину войны... И тут, поверьте, становятся хороши любые средства. Потому что ни одна личная трагедия не может сравниться с трагедией нации или планеты. Единичная судьба, пусть даже сломанная и искалеченная во имя великой цели, никогда не перевесит чашу весов истории!

Джедиан умел убеждать. Дорохов чувствовал, что в душе он не согласен с ним, но не нашелся, что возразить. Просто он был слеплен из иного теста.

– Зачем вы так обстоятельно беседуете со мной, господин командующий? – вновь глухо спросил он. – Мы мыслим в разных направлениях, так не проще ли мне уйти, раз мой век умер, а этические законы чести втоптаны в грязь во имя политики всеобщего сдерживания?!

– Нет, – покачал головой Джедиан, наполняя свой бокал. – Ваша отставка не будет выходом ни для меня лично, ни для Конфедерации, потому что всего должно быть в меру, – назидательно произнес он, – и чести и бесчестия, открытой войны и тайных ударов. Мы не питекантропы с дубинами... И Конфедерация уже не вотчина Воронцова, не Рори, и даже не Стеллар, где держали оборону несколько космических кораблей... наш мир становится слишком сложен. В нем в равной степени есть место и для меня, и для вас. Нужно лишь соприкоснуться в некоторых точках, чтобы возникло единство. Но вы правы, мне не нужны люди, видящие во мне жадного, дорвавшегося до власти преемника адмирала Воронцова и подсовывающие мне штабных демагогов в надежде, что я заскукаю и улечу. Нет, генерал. Такого не будет. Потому что я лучше вашего представляю ценность «Черной луны», а в особенности последней находки.

В эти минуты Джедиан Ланге разительно изменился. Улетучилась его надменная апатичность, с шитого золотом мундира будто слетел мишурный блеск, приподняв таинственную хламиду самоконтроля, из-под которой вдруг проглянуло настоящее лицо наследника Форты Стеллар... Дмитрий Алексеевич Дорохов, сидящий по другую сторону стола, даже вздрогнул, тряхнув головой, чтобы вернуть резкость зрению...

– Они сожгли свою звезду, а вместе с ней и какого-то неизвестного нам противника, – тем временем произнес Ланге. – Мне в равной степени интересны обе стороны того противостояния. Масштабы страшные, но именно информация по «Черной луне», вкупе с технологиями, способными пережигать звезды, как свечи, возможно, и станет гарантией мира и неприкосновенности Конфедерации Солнц. И я готов ради этого сломать не одну судьбу, можете мне поверить.

– Я верю... – глухо ответил Дорохов.

Отчего-то ему вдруг стало страшно и неуютно за огромным овальным столом наедине с этим человеком, которого, не далее как час назад, он принял за клоуна.

Заметив его состояние, Джедиан нахмурился.

– Хорошо, генерал, давайте начистоту. Даже обладая поверхностными сведениями, я смог оценить значение «Черной луны» для будущего Конфедерации. Я прилетел сюда не с

инспекторской проверкой, а с намерением разобраться во всем самому. И я не хочу, чтобы вы или ваши штабные офицеры вставляли мне палки в колеса, ясно?

Дорохов кивнул. Что уж тут непонятного?

– Отлично. Значит, с этой минуты я устанавливаю такой регламент: вы остаетесь командиром базы и очень хорошо охраняете ее, а я и мои люди будем заниматься «Черной луной».

Теперь это уже был не паяц, не политик, не искусный оратор, перед Дороховым словно возсталась тень Воронцова в призрачном блеске железной воли покойного адмирала...

– Через полчаса я должен получить доступ ко всем базам данных, кодовые ключи и идентификаторы для всех лабораторий и подготовленные помещения для прибывшего со мной персонала, – не терпящим возражений тоном заключил Джедиан.

Дорохов встал. Ему нечего было возразить или ответить. Дмитрий Алексеевич чувствовал, что полчаса беседы с Ланге вымотали его, как сутки напряженных боевых действий.

– Разрешите идти, господин командующий?

Джедиан милостиво склонил голову, не сводя с него пронизательного взгляда.

– Идите, генерал, – разрешил он. – И помните, я надеюсь, что мы с вами сработаемся.

* * *

Секретная база под кодовым названием «Черная луна» действительно задумывалась как стратегический космодром. Первоначально никто не планировал проводить тут исследования и раскопки, в самый разгар Первой Галактической войны было не до научных изысканий.

Три темные планеты, не отмеченные ни на одной звездной карте по причине отсутствия тут самой звезды, действительно являлись идеальным местом для тайной дислокации ударных эскадр космического флота. Данный сектор пространства считался пустым. Наличие планет, как уже подметил штабной офицер, позволяло построить посадочные площадки и ремонтные доки с естественным источником гравитации, что было очень важно для нормального и эффективного ремонта боевых кораблей.

Все эти данные Джедиан пробежал глазами, лишь мельком останавливая взгляд на некоторых фразах. Его интересовала не история «Черной луны», которая, по сути, являлась зеркальным отражением истории возникновения Форты Стеллар, а нечто другое...

Ага, вот...

Глаза Джедиана вспыхнули мрачным, жадным огнем.

Отчет старшего строительной группы... Так... При рытье котлована... Глубина – минус тридцать два метра от нулевого нивелира... Остатки армированной бетонной стены, сохранившей слабое реликтовое излучение... Повреждения и структура внутренних деформаций характерны для близкого термоядерного взрыва... В реголите серого цвета, напоминающего каплеобразные частицы шлака, обнаружены слитки металла, предположительно, какие-то предметы неизвестной цивилизации.

Джедиан откинулся в кресле и задумался.

Этой находке было сорок с лишним лет, но уже тогда его дядя, адмирал Воронцов, правильно оценил ее значение и приказал начать целенаправленные исследования грунта на поверхности трех обожженных адским пламенем лун... или все же планет?

«Скорее лун... – решил про себя Джедиан. – Для полноценных планет, на которых могла развиваться разумная жизнь, они слишком малы. Слаба гравитация, да и вообще, не те условия для эволюции, такой, как на подавляющем большинстве кислородных миров. Нет... Их родная планета где-то в другом месте... – размышлял он, не торопясь переходить к рассмотрению основного события. – Три сожженных луны... Опорный пункт? Форпост?... База?..»

В любом случае на ум приходил лишь один термин – война. Война, что шла три миллиона лет назад, но между кем?! Двумя доисторическими разумными расами? Или гражданский

раскол внутри некогда единой цивилизации? Этого Джедиан не знал, но всерьез собирался выяснить. И последняя находка, извлеченная из шлакообразного реголита Черной луны-1, того самого планетоида, где впервые были обнаружены остатки нечеловеческих сооружений, позволяла ему питать подобные надежды.

Джедиан действительно являлся тем человеком, кто создал мыслесканер и развил новую область науки. И вполне искренне считал, что его вины в военном применении этих открытий нет. Так распорядилось их жестокое время.

Заблуждался Джедиан Ланге или нет, должно было рассудить время. Но, как бы там ни было, он являлся незаурядным человеком и талантливым ученым, которого природа наградила умом, а судьба и родство вознесли на самый верх иерархической лестницы Конфедерации Солнц.

Прикурив сигарету, он включил воспроизведение той видеозаписи, просмотр которой сам же и оборвал в зале совещаний...

Глубоко затянувшись, Джедиан пропустил начало и впился глазами в экран монитора, только когда увидел тот самый кадр...

...Силовая сфера, в которую по электромагнитному тоннелю поступил вырезанный с поверхности Черной луны кусок породы, клубилась паром.

Поступившая на участок «разделки» многокилометровая глыба медленно вращалась в прицеле следящих за процессом видеокамер.

Предвкушая развитие событий, Джедиан подался к монитору. Он вдруг заметил, что нервная дрожь родилась где-то в районе позвоночника.

Это оказался очень любопытный образец. Он наполовину состоял из пресноводного льда. Первая уникальная находка такого рода, обнаруженная на глубине двухсот метров под пепельной поверхностью. Первое свидетельство того, что тут когда-то была атмосфера и даже вода...

Внезапно среди клубящегося пара произошло нечто неадекватное.

Луч лазера тонким огненным шнурком прошел точно по центру полуторакилометровой ледяной глыбы, развалив ее на две бесформенные половины. Лед на срезе огромных плоскостей истекал паром и по своей прозрачности напоминал стекло.

Вокруг, в клубящейся пыли, среди испаряющегося газа и лазерных вспышек сновали крохотные паукообразные механизмы. Только они оказались в состоянии заглянуть внутрь разрезанной глыбы ископаемого льда через открывшееся на срезе прозрачное окно, но праздное любопытство не входило в программные обязанности примитивных автоматов. Однако они были снабжены видеокамерами, изображение с которых транслировалось на сотни мониторов станции слежения, и одновременно все видеосигналы от механизмов анализировал специальный компьютер. Он-то и выдал на дисплей одного из дежуривших на станции людей сигнал о чрезвычайной ситуации.

Дежурный офицер базы посмотрел на монитор. Его лицо сначала побледнело, а затем покрылось неровными пятнами румянца.

Очевидно, в те секунды офицер испытал шок намного более сильный, чем возбуждение, которое чувствовал Джедиан во время просмотра записи. Ему-то сейчас уже известно, ЧТО увидел на мониторе этот офицер.

Не смея оторвать глаз от изображения, тот на ощупь нашел клавишу интеркома, ответственную за общую связь, и произнес севшим от волнения голосом:

– Всему персоналу базы. Боевая тревога. Красный код в четвертом секторе!

На мониторе продолжало транслироваться обработанное компьютером изображение. Маленький паукообразный робот полз по ровному срезу льда. Его видеокамера по приказу центрального компьютера была нацелена внутрь ледяной глыбы.

Офицер хотел что-то сказать, но из его горла вырвался лишь сдавленный сипящий вздох: внутри исполинской глыбы льда были заключены люди... но, великий боже, их кожа отли-

вала нежной голубизной, а черты лица никак не походили на человеческие... Заостренные уши, как у мерзких персонажей из низкопробных мультиков, лишенный губ, щелеобразный рот, маленькие, широко разнесенные глаза – все вместе это выглядело просто отвратительно. Камера робота прыгала, показывая перекрученные, неестественно выгнутые руки и ноги, плоские грудные клетки, лысые яйцеобразные черепа...

Полное отсутствие половых признаков вызывало еще большее отвращение. Словно кто-то заморозил во льду десятки кукол или голых манекенов...

За спиной оторопевшего офицера были сирены поднятой им тревоги. В зал один за другим вбегали люди.

Дальнейшие действия персонала были четкими и по-военному слаженными. Эти люди специально готовились для подобных сюрпризов.

Огромные насосы, расположенные по периметру незримой силовой сферы, быстро откачали всю газообразную смесь, находящуюся в секторе разделки доставленных образцов. Десятки ультрафиолетовых прожекторов залили пространство внутри сферы голубым светом, призванным если не убить, то значительно ослабить чужеродные микроорганизмы.

Автоматические лазеры перешли в широкоапертурный¹ режим, теперь их рассеянная энергия не резала две глыбы льда, а заставляла их интенсивно таять. Насосы продолжали откачивать продукты испарения, поддерживая внутри сферы относительный вакуум.

Постепенно работа усложнилась. Тела вытаскивали на поверхность глыб; их осторожно вырезали лазером, стараясь не задеть распростертых конечностей. Через два часа от полуторакилометровой глыбы не осталось ничего, кроме плавающих в вакууме гуманоидных тел, заключенных внутри прозрачных ледяных параллелепипедов. Сканеры фиксировали двести тринадцать существ, среди заледеневших тел которых в невесомости парило несколько приборов странного вида и неизвестного предназначения.

...Запись закончилась. Больше никаких находок не последовало, и к самим телам никто не прикасался. Они по-прежнему плавали, запаянные в гробы изо льда, внутри незримых границ силового шара.

«Ждали своего часа. Ждали меня...» – возбужденно подумал Джедиан, вдруг ощутив, как после перерыва вновь погружается в родную стихию.

Он больше не мог тянуть... Это было ДЕЛО... ДЕЛО ВСЕЙ ЖИЗНИ.

В этот момент Джедиан Ланге забыл про Конфедерацию и свое высокое положение. В нем проснулся тот самый ученый, что изобрел верный способ считывания информации прямо из головного мозга человека и ее визуальной расшифровки.

«Вот истинная работа для моего сканера! – возбужденно думал он. – Эти существа впаяны в лед. Очевидно, их смерть была мгновенной. Значит, существует реальный шанс реанимации... Ничего... Не таких возвращали с того света. – Мысли Джедиана вдруг приняли целенаправленный характер. Он уже строил планы, в уме подсчитывая шансы на успех. – Пусть... – думал он, – пусть на вскрытия, изучение строения органов, опыты с биохимией метаболизма, на неудачные попытки реанимации уйдут двести двенадцать существ, но последний обязательно оживет, хоть на минуту, на несколько мгновений, и тогда из него вырвут всю информацию, которая станет доступна мыслесканерам!»

Это походило на наваждение. Джедиан преобразился, и если бы не уединение, то вид главнокомандующего космическими силами Конфедерации мог бы шокировать многих из подчиненных...

Он сидел в глубоком кресле, вцепившись побелевшими пальцами в мягкие подлокотники, лицо покраснело от возбуждения, а губы беззвучно шевелились в тот момент, когда взгляд Ланге блуждал по экрану, где в вакууме парили, сталкиваясь друг с другом, ледяные

¹ Апертура – угол между крайним лучами светового конуса.

прямоугольные гробы, содержащие в себе самое великое и, возможно, самое ужасающее открытие современности.

Джедиан не мог больше ждать. Он хотел одного – действовать.

Глава 2

Подземные уровни Форты Стеллар. Два месяца спустя после описанных событий...

Один из дюжины кабинетов Джедиана Ланге, разбросанных по всем уровням Форты Стеллар, отличался от других рабочих комнат некоронованного владыки системы Рори не только своими внушительными размерами и изяществом отделки, но прежде всего набором уникального электронного оборудования, аналоги которого можно было без труда сосчитать по пальцам.

В центре овального кабинета возвышалось нечто, подобное древнеегипетской пирамиде. Матово-черная поверхность панелей, под которыми прятались уникальные процессоры, змеилась косыми бликами света, отражая сияние точечных плафонов, укрепленных в потолке. Пирамида процессорных блоков сужалась кверху и изнутри была полой.

Таким образом, внутри рабочего кабинета оказалась спрятанной еще одна квадратная комната, наклонные стены которой дышали, отводя тепло от работающих процессоров с тихим, монотонным шумом охлаждающих вентиляторов; по внутренним стенам пирамиды шустро сновали цепочки контрольных огней, отражая в своих замысловатых узорах те или иные стадии работы комплекса, тускло светились несколько мониторов, и все это сближалось, нависало, обступало со всех сторон единственное кресло с толстыми подлокотниками, над которым в лиловом дрожании статис-поля повисло несколько шлемов для нейросенсорного контакта.

Сейчас Джедиан сидел в этом самом кресле, полностью погруженный в виртуальную реальность.

Шло секретное совещание с участием глав правительств тех планет, что входили в состав Конфедерации Солнц.

Хотел того Джедиан или нет, но большую часть времени ему приходилось уделять политике, и поэтому работы по проекту «Черная луна» продвигались удручающе медленно.

Сам же проект все глубже и глубже захватывал его.

Джедиан не мог лгать сам себе, большая политика увлекала его намного меньше, чем исследования в области человеческого мозга. И потому он достаточно серьезно думал о том, чтобы сложить полномочия командующего Флотом и номинального главы Конфедерации. Ежедневные проблемы, политические дразги, амбиции – все это крайне утомляло его, рассеивало внимание и отнимало массу времени.

Вот и сейчас, когда виртуальное совещание было в самом разгаре, он, слушая докладчика, никак не мог отделаться от мыслей о Черной луне.

Говорил президент Элио Антон Вербицкий.

Седого рослого военного, в прошлом, как и Воронцов, адмирала своей планеты, слушали внимательно все, за исключением Джедиана.

Впрочем, задумчивость никак не влияла на характерную для Джедиана Ланге способность следить за речью докладчика, не упуская основную нить его рассуждений.

На повестке дня стоял вопрос о пересмотре Военной Доктрины Конфедерации Солнц, и Джедиан, как бы ему ни хотелось, просто не мог игнорировать столь важный доклад.

Вербицкий говорил негромко.

– ...Сейчас настала пора радикального пересмотра позиции Центральных Миров в отношении Земного Альянса и прочих формаций, которые тут и там возникают в космосе, словно грибы после теплого дождя.

Лицо президента Элио дышало спокойствием и полным осознанием справедливости своих слов.

Вообще, Вербицкий производил впечатление человека, который каждое свое слово пропускает через призму личного жизненного опыта, а он у президента Элио был и горек, и разнообразен...

– Господа, мы уже пережили стадию оборонительного союза, – убежденно, но без излишней помпы, говорил он. – Военная мощь Земли сломлена, и настало время задуматься о дальнейшем устройстве мира, который по-прежнему балансирует на зыбкой грани. Вроде бы Вторая галактическая война закончилась почти десять лет назад, но на гиперсферных трассах продолжают зверствовать каперы, многие миры отброшены назад, в бездну регресса. А сколько еще будет открыто в ближайшие годы новых колоний, которые, как и наши планеты, были освоены «невозвращенцами» Первого рывка Великой Экспансии? – Вербицкий обвел изучающим взглядом фантомные образы своих собеседников, которые в данный момент сидели в нейросенсорных шлемах на расстоянии многих световых лет друг от друга, – Каждый месяц мы получаем сведения о вновь открытых планетах, – продолжил президент Элио, – которые по большей части, сами того не ведая, были вовлечены в Первую либо Вторую галактические войны. Им нужна прежде всего защита, гарантия того, что больше не повторятся орбитальные бомбежки, геноцид и своевольное размещение военных баз «по праву сильного». Сейчас мы отправляем, по мере возможности, гуманитарную помощь особо пострадавшим мирам, но это крохи от требуемого количества.

При этих словах на лицах присутствующих на виртуальном совещании появилось заинтересованное выражение. Не все понимали, в какую сторону гнет Вербицкий, и некоторые главы планет попытались задать вопросы, но докладчик лишь повысил голос, покрывая пробежавший по рядам шумок. Очевидно, он полагал, что ответы на все вопросы будут даны им по ходу выступления.

– Вторым пунктом, на котором бы я хотел заострить внимание, – это межпланетная торговля и безопасность гиперсферных трасс, – заявил он. – В данный момент таких понятий, как «всеобщий рынок» или «единое экономическое пространство», попросту не существует. Старые связи, которые существовали между колониями, нарушены, а новые будут налаживаться десятилетиями, если не веками. Война слишком далеко отбросила человечество назад. Нигде, кроме миров Конфедерации, не гарантируется никаких прав разумным существам...

Джедиан вздрогнул.

– Извините, господин Вербицкий, – счел нужным вмешаться он. – Вы имели в виду права людей?

– Я имел в виду права разумных существ, – спокойно ответил Антон Эдуардович.

– Но должен заметить, мы одиноки в Галактике! – напомнил ему Джедиан.

– Это временно, господин Ланге, – спокойно парировал Вербицкий, так, словно был убежден в существовании иного разума. – К тому же биосферы некоторых колонизированных планет настолько не соответствуют исконному человеческому метаболизму, что потомки выживших колонистов на таких мирах, как Эригон, Зороаста, Омикрон-5, уже сегодня рассматриваются некоторыми чуть ли не как ксеноморфные формы жизни, – напомнил он. – И такое отношение к ним, как к «младшим братьям по разуму», создает опасный прецедент. Опыт показывает, что цивилизация растет, ширится в геометрической прогрессии, и столь же стремительно растут последствия нашего проникновения в глубокий космос. Мы должны не просто помогать этому экспансивному стремлению, но и регламентировать его.

– Каким образом, Антон Эдуардович? – поинтересовался президент Кьюига.

– Через создание института межпланетной безопасности, – ответил Вербицкий. – Галактике нужен единый закон, общее экономическое пространство, равные права и гарантии, для всех без исключения миров, но не через диктат, как это хотела совершить Земля.

«Как это хотела совершить Земля...» – эти слова отдались эхом в сознании присутствующих. Даже Джедиан, который, как оказалось, уже не думал о Черной луне, ощутил некий

зловещий холодок, который, словно искра статического разряда, пробежал между собравшимися в поле виртуального пространства.

– Я предлагаю создать на базе Конфедерации Солнц некую интернациональную организацию, – выдержав небольшую паузу, продолжил президент Элио, – которая объединила бы в своем составе представителей всех освоенных людьми планет. Прототип такого Совета Безопасности Миров, так я бы условно назвал эту организацию, уже существовал когда-то в рамках Земли. Этот институт носил название ООН – Организации Объединенных Наций, которая располагала собственными вооруженными силами, неподконтрольными ни одному из правительств.

– То есть вы хотите создать в космосе, помимо Конфедерации солнц, еще одну силу?! – воскликнул президент планеты Рори. – И серьезно надеетесь на ее нейтралитет?!

– Господа, у нас общий космос, общая история, общие интересы, такие, например, как эффективное выживание в будущем! – уже более резко пояснил Вербицкий. – Если мы ограничимся строго оборонительным союзом десятка развитых миров, то тем самым обречем всю обитаемую Галактику на дальнейшее кровопролитие! Трагедия двух галактических войн не должна повториться, иначе грош нам цена как разумным существам! – заключил он. – В моей груди еще не остыл радиоактивный пепел той воронки, что превратилась в могилу для сотен тысяч жителей Элио, среди которых оказались и мои родители! И мне, как человеку, отлично понимающему, что такое СМЕРТЬ, испытавшему ее ужас, близки и понятны надежды, страхи и чаяния тех сообществ, что не входят в оборонительный союз Конфедерации. Они боятся примкнуть к нам, так как резонно полагают, что получают в лучшем случае статус «вторичной колонии» и будут эксплуатироваться в плане ресурсов... но в то же время, не примкнув к сильному, они рискуют быть растоптанными агрессором, который может в любой момент появиться на их орбитах. Примером тому может служить налет пиратских крейсеров на Гизборн – один из отдаленных, окраинных миров. Я полагаю, что при таком раскладе, если не пресечь анархию, не заявить гарантированные свободы и не обеспечить ВСЕОБЩУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ, рано или поздно в Галактике вырастет сила, подобная Земле, и она сокрушит любой оборонительный союз нескольких планет-государств. В том числе и Конфедерацию. И только реальные межпланетные законы и столь же реальная интернациональная сила, способная провести их в жизнь, обеспечат человечеству перспективу развития, а не медленную смерть и регресс!

После слов Вербицкого наступила долгая тишина. Затем, к удивлению Джедиана, на лице президента Диона появилась улыбка.

– Я считаю, что в основном господин Вербицкий прав, – внезапно заявил он, и в виртуальном пространстве появилась его рука. – Поздравляю, Антон Эдуардович! Вы первым высказали то, что по праву в скором времени должно стать историей Галактики!

Такого оборота событий Джедиан не ожидал.

– Подождите, господа!... – начал было он, но голос Ланге вдруг потонул в шуме всеобщих восклицаний.

Фрайг!..

Поддавшись порыву внезапной ярости, он вдруг сорвал с головы виртуальный шлем.

Сердце Джедиана колотилось в груди гулко и неравномерно. Он понял, какую оплошность допустил, но не поздно ли?

Два месяца!.. Быстро же они созрели...

Джедиан тяжело встал с кресла и прошел по кабинету, разминая ноги.

Черная пирамида виртуального комплекса межзвездной связи тихо гудела за его спиной, продолжая работу.

Совет Безопасности... Чушь собачья! Конфедерация вынесла на своих плечах все тяготы войны за независимость Колоний, а теперь Вербицкий предлагает просто взять и раздать эту

победу в виде равных прав и свобод всем, кто, поджав хвосты, сидел под атмосферными шапками своих планет, в то время когда...

«Проклятье!..» – еще раз мысленно выругался Джедиан, осознав, сколь серьезный подкол подвел Вербицкий под его диктат во флоте, который достался Джедиану по наследству от Воронцова.

Как ни крути, а ведь у него не получалось, как у деда, сидеть одной задницей на нескольких стульях и при этом на сто процентов контролировать ситуацию!

Джедиан помрачнел. Подойдя к столику с напитками, он отхлебнул тоника и вновь принялся мерить шагами свободное от аппаратуры пространство вдоль закругляющихся, овальных стен рабочего кабинета.

Нет, ему определенно не нравилась та тенденция, которую так четко обосновал Вербицкий на сегодняшнем совещании. Это грозило если не развалом Конфедерации Солнц, то ее трансформацией, а ни то и ни другое не устраивало хозяина Форта Стеллар. Не то чтобы он очень жаждал единоличной власти, нет, просто возвращенный Воронцовым, родившийся в обстановке войны и в то же время войны не видевший, не испытав ее ужаса, Джедиан, сколь бы одаренным он ни был, не мог почувствовать той разумной необходимости, что прозвучала в словах Вербицкого. Для него понятие «война» являлось прежде всего синонимом таких слов, как «прибыль» и «благополучие», а не наоборот.

Угроза... Вот тот волшебный термин, что все это время подспудно зрел в голове Джедиана. Реальная, осязаемая угроза со стороны вернет политику Конфедерации в прежнее русло, заставит вкусившие мира планеты вновь сплотиться вокруг Стеллара и Рори.

Следующая мысль Джедиана, вполне логично, была о Черной луне.

Фрайг... А ведь, похоже, именно в ней крылось все его будущее!

Охваченный нетерпением, как несколько месяцев назад на базе «Черная луна», Джедиан подсел к компьютерному терминалу и вызвал отдел исследований своего личного, находящегося тут же в недрах Стеллара, научного комплекса.

– Анри, поднимись ко мне! – приказал он, как только на экране появилось смуглое лицо начальника головной лаборатории. – Со всеми материалами по «Черной луне» – добавил он, прежде чем отключиться. Потом немного подумал, допил тоник и повторил вызов: – Я передумал. Сейчас спущусь сам.

На панели виртуальной связи просительно мигал огонек.

Главы планетных правительств недоумевали, куда так внезапно исчез председательствующий.

«Пусть поищут...» – раздраженно подумал он, припомнив, как его не слышали за возбужденными поздравлениями в адрес Вербицкого.

* * *

В лабораторных комплексах все сияло стерильной белизной.

Персонал в защитных костюмах с прозрачными шлемами-масками занимался обыденной, рутинной работой. Весело сияли огнями компьютерные терминалы, едва слышно шелестели воздушные насосы, ежесекундно обновляющие воздух в помещениях.

Анри Бейкер ждал Джедиана у дверей зала, куда доступ обычным сотрудникам был не просто запрещен, а физически невозможен. О неукоснительном соблюдении данного правила заботилась все та же автоматика, которой, благодаря природной подозрительности адмирала Воронцова, хватало во всех уровнях Форта Стеллар, начиная от открытых для доступа внешних поселений, расположенных под силовыми пузырями, на поверхности лишенного атмо-

сферы спутника планеты Рори, и заканчивая мрачными подземными казематами специальной флотской тюрьмы, где без следа сгинула не одна сотня неугодных адмиралу людей.

Все это унаследовал Джедиан Ланге. Адмирал Воронцов пришел в систему планеты Рори практически нищим, если не считать имуществом десяток потрепанных в бою кораблей, которые на тот момент составляли весь флот Свободных колоний.

Отсюда Воронцов нанес дерзкий удар по Земле, отсюда же началось возрождение флота, но адмирал в ходе боевых действий за независимость никогда не забывал о себе, и, когда война закончилась, оказалось, что по существующим документам почти вся поверхность Рори и единственный спутник планеты Стеллар, на котором базировался флот новорожденной Конфедерации Солнц, стали его частной собственностью.

Пока был жив Воронцов, чье главенство в космическом флоте никто не посмел бы оспаривать, вопрос о частном статусе Стеллара просто не поднимался, ибо Воронцов, Стеллар и Конфедерация – это были понятия незыблемые и неделимые.

Теперь же, после смерти адмирала, юное содружество планет внезапно осознало, что вся мощь ее боевого флота, то есть гигантская материальная база, без которой немыслимо существование ни одного космического соединения, принадлежит наследнику Форты Стеллар, то есть ему, Джедиану Ланге.

Именно поэтому никто не возражал при утверждении его на должность исполняющего обязанности адмирала флота, но данное положение оставалось весьма шатким, и сегодняшнее выступление Вербицкого служило тому наглядным примером.

«Пройдет еще несколько лет, и будут созданы новые опорные точки для базирования флота... – так думал Джедиан, следуя за своим помощником к толстым бронированным дверям. – И когда насущная необходимость в Форте Стеллар отпадет, все эти Вербицкие, ратующие за всеобщую демократию и независимость, просто оставят меня не у дел...»

Возможно, несколько месяцев назад Джедиан попросту плюнул бы на это. Доходы от экспорта зеркальной древесины с поверхности Рори исчислялись баснословными цифрами, и, таким образом, его благополучию ничто не угрожало, но теперь, когда он вкусил Настоящей Власти, этого не сравнимого ни с чем пьянящего, прямо-таки наркотического чувства, мысль о потере значимости Стеллара становилась для него невыносима, как зубная боль.

Джедиану нравилась власть. Непередаваемое ощущение, когда миллиарды людей на десятках планет вдруг оказываются привязанными к тебе тысячами невидимых нитей. Один взмах руки мог коренным образом менять их судьбы. Стоило ему пожелать, и марионетки начинали корчиться то от горя, то от безмерного счастья, как заблагорассудится ему...

Он вспомнил те дни, когда один вызов в кабинет Воронцова заставлял его бледнеть и трепетать, хотя тот являлся его двоюродным дедом!.. Так что же говорить об остальных, власть над которыми теперь перешла к нему?

Его начинают ненавидеть так же сильно, как Воронцова, но боятся ли его?

«Скорее всего, нет...» – с внезапным ожесточением осознал Ланге.

Над ухом задумавшегося Джедиана тонко пропищал зуммер сканирующего устройства, и на пульте у бронированной плиты вспыхнул зеленый сигнал разрешенного доступа. Выдвинувшиеся было из стены лазерные турели, нехотя жужжа сервоприводами, втянулись назад, за шторы предохранительных диафрагм, а сама многотонная дверь вздрогнула и начала открываться.

«Да... Прессинг со стороны союзных планет начался... – думал Ланге, глядя, как медленно уползает в стену дверь. – Они недовольны наследственной преемственностью власти над космическим флотом, и ясно, на него будут давить, пытаясь добиться добровольного ухода в отставку».

Внезапно Джедиан понял, что ожесточение в его душе растёт, словно черная приливная волна, сметая все иные чувства, и он вот уже несколько секунд стоит, глядя в одну точку, на пороге открывшегося проема.

Его помощник, Анри Бейкер, нерешительно переминался с ноги на ногу за спиной Джедиана.

Ланге сделал над собой усилие и, подавив растущее раздражение, шагнул вперед, одновременно подумав о том, что, откажись он от своего положения, и ко многим вещам его доступ был бы просто перекрыт. К таким, например, как информация по «Черной луне»...

Переступив порог зала, он огляделся.

Двойные бронированные створы за его спиной встали на место.

В огромном, залитом ярким светом помещении не оказалось ни души – только приборы и автоматы.

– Сюда, сэр... – почтительно произнес Бейкер, указывая на узкий, освещенный ультрафиолетом проход между двумя рядами подсвеченных изнутри вертикальных столбов, в которых в ленивых струях физиологического раствора плавали доставленные сюда с «Черной луны» тела гуманоидов.

– Положительный опыт есть? – осведомился Джедиан, разглядывая ближайшее тело.

– Да, сэр. Образец номер сто сорок семь. Он жил минуту двадцать секунд, и мы успели за это время отсканировать весь мозг, с шаговым интервалом сканера в десять микрон. Получилась вполне приличная запись.

– Ага... – Джедиан вошел в проход между цилиндрами и направился к сияющему в конце зала компьютерному комплексу. – А остальные?

– К сожалению, они безнадежны, сэр, – покачал головой Анри. – Они ведь не были погружены в криогенный сон, просто замерзли. Нам сопутствовала огромная удача при работе с образцом, который удалось оживить. Остальные годятся только для патологоанатомов, но мы и так достаточно детально изучили их организм.

– Ясно... – Джедиан остановился возле последней полой трубы из толстого стекла. – И что вам удалось выяснить в ходе вскрытий?

– Эти существа обитали в водной среде, – с готовностью ответил Анри. – Их родной мир должен быть полностью покрыт океаном, так как некоторые особенности в строении позволяют с большой долей уверенности утверждать, что они никогда не выходили на сушу... до тех пор, пока не стали настолько развиты, чтобы сознательно колонизировать ее, а затем выйти в космическое пространство.

Бейкер подошел ближе и достал лазерную указку. Маленький красный курсор заплясал по заключенному внутри столба телу.

– Вы видите, господин Ланге, что у них есть пальцы только на верхних конечностях, которые мы условно называем руками, по привычной аналогии. Они явно когда-то были лапами, и появление пальцев на них обусловлено эволюционным развитием. Ноги же, или задние конечности, так и остались в первозданном виде.

– Почему две ноги? – задумчиво переспросил Джедиан. – По логике, туловище должно оканчиваться утолщением в виде хвоста с плавником... так ведь?

– Нет, сэр, тут видна аналогия с земной эволюцией. Конечности этого существа развивались из плавников, расположенных попарно и симметрично по обе стороны туловища. Хвостовой плавник сохранился, но в виде рудимента, как копчик у человека является рудиментом обезьяньего хвоста.

– Хорошо, Анри, ты отлично поработал, – похвалил его Джедиан. – А то, что тебе удалось реанимировать одного из них и отсканировать мозг, вообще стоит выше всяких похвал.

Анри Бейкер остановился и, обернувшись, взглянул на своего босса.

– Спасибо, сэр. Это было не просто интересно, это было здорово... Жаль, что вы не хотите опубликовать результаты исследований. Это был бы настоящий взрыв в ксенобиологии...

– Еще не время... – сухо осадил его Джедиан. – Но публикация будет, обязательно, – тут же успокоил он молодого ученого. – Ты еще получишь свою степень, Анри, и славу первого исследователя братьев по разуму, но... – он сделал многозначительную паузу. – Только в тот момент, который укажу я, – заключил он. – Только тогда. Иначе, нарушив секретность, ты рискуешь потерять очень многое, если не все! – На этот раз в его голосе сквозила неприкрытая угроза.

– Я понял, сэр, – опустив голову, ответил Бейкер.

– Отлично, – вновь похвалил его Джедиан. – А теперь я бы хотел ознакомиться с материалами по дешифровке записей мозгового сканера.

На лицо молодого ученого набежала тень. На этот раз ему было абсолютно нечем хвалиться.

– Дешифровки нет, господин Ланге... – виновато сообщил он.

– Почему? – резко спросил Джедиан, садясь в кресло за компьютерным терминалом, над которым возвышался целый ступенчатый амфитеатр из приборных панелей.

– Наши машины не смогли справиться с дешифровкой, – признался Анри. – Мы перепробовали все алгоритмы, но безрезультатно. Строение их мозга похоже на наше, нервные клетки проявляют похожую активность, но ни один алгоритм дешифровки не работает, мы в лучшем случае получаем бессмыслицу...

Говоря это, Бейкер мучительно краснел, словно его личное тугодумие явилось первопричиной неудачи. Но Джедиан, откровенно говоря, и не ждал ничего другого. Мозговой сканер являлся его детищем, и кому, как не Джедиану, было знать, сколь сложна и непостоянна психика самого заурядного человека. Наличие точной записи электрической и химической активности каждой клетки мозга еще не значит, что эти сведения можно в дальнейшем адекватно реализовать в зрительные или слуховые образы, – такой постулат вывел сам Джедиан в ту пору, когда испытывал свой прибор, предназначенный для проникновения в святая святых человека – его мысли.

В свое время он добился того, чтобы сканеры нейронной активности устанавливались в каждый боевой скафандр, и таким образом он получил миллионы записей, которые УЖЕ ОКАЗАЛИСЬ СОВМЕЩЕНЫ с соответствующим видеорядом, ведь в каждом скафандре, помимо сканера, обязательно присутствовала видеокамера, которая автоматически снимала все, что попадало в поле зрения солдата.

Обработывая эти данные на компьютере, Джедиан с помощью специальных программ установил первые несколько сот повторяющихся аналогий, в основном реакции мозга на стресс, вспышки, резкие звуки и т.п.

Затем, по мере накопления материала, были созданы первые алгоритмы расшифровки, которые, обрабатывая полученные при сканировании данные, превращали их в зрительные образы, слова и звуки...

Эта работа длилась десять с лишним лет.

Неудивительно, что у Бейкера не получилось равным счетом ничего. Наивно полагать, что разум инопланетянина окажется аналогичен человеческому. Для него нужно создавать новые алгоритмы, но...

Тут даже изощренный ум Джедиана вставал перед неразрешимой проблемой. В данном случае у него не оказалось той массы записей, на основе которых можно проводить аналогии, вычленять какие-то понятия и формировать схему алгоритма...

У него в руках была одна-единственная запись, равная полному объему памяти того существа, которое его помощники смогли оживить на минуту двадцать секунд. И больше ничего.

Обширное, точное описание каждой клетки головного мозга чужеродного существа, их химический состав, электрический потенциал, были зафиксированы сканером, но ни одна программа, ни один компьютер не могли сделать на основании этого материала ни единого толкового вывода.

Тупик?

Эта мысль неприятно поразила Джедиана.

Он не хотел даже думать о таком исходе.

– Сэр... – осторожно нарушил его задумчивость Анри. – Мне кажется, что для расшифровки записей их нужно скопировать в кибермозг большой мощности и отдать весь его ресурс на подбор вариантов...

– Стоп!.. – резко оборвал его Джедиан. Одно слово, произнесенное Бейкером, вдруг толкнуло его мысль в верном направлении... Кибермозг... Нет, это не пойдет, ни один суперкомпьютер не может сравниться по своим возможностям с обыкновенным человеческим мозгом...

Мозг! Мозг человека!..

Джедиан едва не расхохотался. Ну конечно, ведь это очевидно, решение плавало на поверхности!

Мозг человека... Вот та среда, куда нужно скинуть, записать статичную пока информацию... И затем ждать...

Ждать, пока она проявит себя, побежит по нейросетям волнами возбуждения, и тогда... На лице Джедиана появилось безумное выражение, такое, что стоящий подле кресла Бейкер инстинктивно отступил на шаг, не понимая, что творится с господином Ланге, глаза которого вдруг вспыхнули тем блеском, что бывает у зверя, уже загнавшего добычу и предвкушающего сладостный миг последнего рокового удара...

«...Тогда разум, не сумев оценить полученной информации, начнет искать к ней ключ, попытается переварить то, что ему подsunут вместо нормальной человеческой памяти...»

Джедиан чувствовал, что он прав. Тысячу, миллион раз прав!

И тут же он задался новым вопросом: каким должен быть подопытный?

Некоторые критерии напрашивались сами собой: им должен стать мужчина, здоровый, хорошо развитый, не старше сорока лет, с уравновешенной психикой, стойкий к стрессам...

Желательно, чтобы он оказался сиротой.

Поразмыслив над перечисленными в уме пунктами, Джедиан немного поостыл. Найти подходящего кандидата будет трудно. Очень трудно, хотя вокруг живут тысячи сирот мужского пола и нужного телосложения... но не физические данные в конце концов являлись решающими для того, что задумал Ланге.

Он очень хорошо понимал, какой стресс обрушится на подопытного... В свое время он пробовал реабилитировать душевнобольных и преступников, имплантируя им чужую память, но своя собственная при этом никогда не уничтожалась до конца, и очень быстро наступало катастрофическое раздвоение личности и сознания с самыми неблагоприятными последствиями для окружающих и самих подопытных.

Только в одном случае ему удалось справиться с проблемой. Тем уникальным человеком был, как ни странно, свежий труп преступника, казненного за многочисленные зверские убийства. В его случае предсмертный шок оказался так сильно закреплен в сознании, что после реанимации вторая, вживленная личность не выступила на первый план, а осталась в тени, постепенно проявляя себя. Только этот эксперимент оказался успешен, но метод «лечения расстрелом», как окрестил его Воронцов, казался столь жесток и бесчеловечен, что адмирал, кото-

рый в то время был занят построением Конфедерации, запретил своему племяннику упоминать о данном опыте даже в узких кругах.

Значит... ему нужен труп!

– Анри, – он поднял взгляд на ученого, который ровным счетом ничего не понимал во внезапных переменах настроения своего босса. – Скажи, Анри, где больше всего сильных, здоровых, устойчивых к стрессам, волевых личностей?

– В армии, сэр, – не задумываясь, ответил Бейкер.

– Правильно! – Джедиан прихлопнул рукой собственное колено. – В армии... А ведь я знаю... знаю, где много нужных нам людей... У которых нет родственников, которым уже давно все равно... которых никто не будет искать и чью память очень легко заместить экспериментальной информацией!

– Где, сэр?! – оторопело переспросил молодой ученый, до которого медленно начала доходить суть идеи Джедиана Ланге.

– На кладбищах кораблей! Там, где в космосе плавают обломки битв Галактических войн. Знаешь, сколько прекрасно сохранившихся трупов, мгновенно замороженных вакуумом, плавают в пространстве меж обломков боевых крейсеров?!

– Нет, сэр... – признался Бейкер.

– Очень плохо! Свою историю надо знать, Анри. Боюсь, что тебе придется слетать на одно из таких кладбищ и самому посмотреть, есть ли там хорошие крепкие парни, умершие мгновенной смертью, которых ты возьмешься реанимировать на современном оборудовании. Понял?

– Да, сэр... – упавшим голосом ответил Бейкер.

– Вот и хорошо. Я распоряжусь о корабле, а ты тем временем подумай, каким оборудованием он должен быть укомплектован. И не забывай – в любом эксперименте нужно идти до конца.

Анри, потрясенный и сбитый с толку, смог только кивнуть.

Глава 3

В двенадцати световых годах от системы Рори... на траверзе планеты Дабог.

Крейсер Конфедерации солнц приближался к расположенному за пределами системы Дабога кладбищу кораблей.

– Как вас зовут, лейтенант? – Анри Бейкер стоял подле обзорного экрана и смотрел на тысячи серых точек, что кружили в пространстве, изредка поблескивая в лучах прожекторов стальными гранями.

– Нельсон, сэр, – ответил офицер, не отрывая взгляда от бесформенных обломков, что дрейфовали во мраке космоса.

Около века назад здесь произошла одна из космических битв между флотом Земного Альянса и конвоем отступающих из системы Дабога транспортных судов, уносящих на своем борту беженцев.

О трагической судьбе конвоя Q-5 знали многие. Из блокады удалось вырваться лишь малому крейсеру «Игла», на котором начинал свою службу генерал Дорохов. Именно он сумел вывести поврежденный корабль из-под удара земных эскадр, совершив гиперпространственный переход по координатам планеты Кьюиг.

Анри внутренне содрогнулся, наблюдая, как укрупняются обломки, и вот уже не поле бесформенных глыб металла сверкает в лучах мощных прожекторов, а весь космос вокруг вспыхивает и гаснет, вспыхивает и гаснет...

Несмотря на циничное замечание Джедиана Ланге, Анри знал собственную историю.

Глядя на обломки, меж которых плавал различный мусор и мертвые тела, Анри содрогался, но не подозревал, что именно отсюда начнется его падение...

Сейчас мысли молодого ученого оказались заняты совсем иным.

Он думал о том, как горстка людей на утлых кораблях, предназначенных в лучшем случае для каботажных внутрисистемных рейсов, приняла удар могучего флота прародины.

Глядя на тысячи обломков, медленно и трагично плывущих в космосе, образуя бескрайнее поле, Анри с ужасом понимал, что у этих людей не было ни единого шанса остаться в живых.

Мысли Анри прервал лейтенант Нельсон, что стоял рядом и молча наблюдал, как корабль входит в поле исковерканных обломков, раздвигая их своими силовыми щитами.

– Взгляните, сэр, – привлек он внимание Бейкера, указав на одну из изуродованных взрывами глыб, которая казалась больше других в несколько раз и сохранила очертания космического корабля. – Это флагман конвоя, пассажирский корабль «Европа». Я читал о нем в книгах... – Голос лейтенанта внезапно дрогнул. – Он вез беженцев с Дабога...

Анри кивнул, не находя слов для ответа. Об истории Дабога знали все. Этот мир мог соперничать с Элио и Кьюигом по уровню своего развития, но, по злой иронии судьбы, именно он стал первым пунктом, около которого спустя четыреста лет забвения появились корабли Земли.

Как и другие колонии, Дабог отказался признать себя сателлитом Земли.

«Да и чего ради? – вдруг гневно подумал Анри, чувствуя, как в нем просыпаются дремавшие доселе чувства. – Земля ничем не помогла колониям, она просто вышвырнула часть своего населения в дальний космос, через только открытую и совершенно неизученную гиперсферу, и, как следствие, подавляющее большинство колониальных транспортов просто кануло в никуда, а тем немногим, кому удалось в конце концов отыскать кислородные планеты и разгрузиться, пришлось самостоятельно бороться за жизнь!..»

Такова была правда.

На страницах учебников она выглядела весьма интересно. И только теперь, глядя на эти обломки, меж которых в вакууме плавал различный мусор вперемешку с человеческими телами, Анри сумел почувствовать, осознать небольшую часть той безмерной трагедии целых поколений, что крылась за сухим изложением фактов.

Он испытал сопричастность, и от этого ему вдруг стало плохо.

– Вы хотели что-то сказать, лейтенант? – переспросил он, заставив себя отвернуться, не смотреть...

Нельсон оторвал взгляд от экрана и серьезно взглянул на Анри.

– Я думаю, что нам стоит причалить к «Европе». Там наверняка вы найдете искомое.

В голосе лейтенанта прозвучал плохо скрытый вызов. До офицера не доходило, как можно так кощунственно вторгаться в трагический покой этого места.

– Да, лейтенант, – согласился Бейкер. И, секунду помедлив, добавил: – Мне самому не очень нравится затея мистера Джедиана Ланге... Но поверьте, Нельсон, я столь же подневолен, как и вы. Так что давайте не будем осуждать друг друга, а просто сделаем как можно быстрее предстоящую работу и уберемся из этого жуткого места.

– Хорошо, сэр. – Взгляд лейтенанта стал чуть менее жестким. – Я иду в рубку, отдам необходимые приказы.

– Я буду готов, как только причалите, – пообещал Анри, вновь поворачиваясь к экрану. – Мои люди уже экипированы и ждут.

* * *

Поначалу в планы Анри Бейкера не входило личное присутствие при высадках поисковых групп на территорию кладбища кораблей. Стартуя из системы Стеллара на специально подготовленном крейсере флота, он не придавал особого значения этому полету, хотя задание – отыскать среди обломков космической битвы пригодное для реанимации тело – само по себе оказалось весьма необычным. Анри, уже второй год работавший под началом Джедиана, успел привыкнуть к причудам своего босса.

До последнего времени для молодого ученого не имело значения, к каким последствиям приводят его опыты. Главное, он занимался наукой, в то время как многие его бывшие сокурсники разгружали транспортные корабли на космодромах Форта Стеллар или же в лучшем случае занимали операторские кресла на каких-нибудь роботизированных производствах.

Анри очень дорожил самой возможностью вести научные изыскания. Мир, в котором он жил, оказался на поверку достаточно жесток и бескомпромиссен, молодой ученый понимал это ничуть не хуже других и потому просто занимался любимой работой, радуясь, что такой человек, как Джедиан Ланге, обратил на него внимание и, более того, сделал начальником секретной лаборатории.

Так он мыслил еще вчера, но сейчас, стоя у шлюза десантного модуля в тяжелом и неудобном скафандре высшей защиты, снабженном псевдомускулами и эзоскелетом, Анри вдруг подумал, что что-то в его жизни пошло не так. Восторг от новых научных открытий почему-то начал перерождаться в смутную тревогу. Что-то неосознанное ворочалось в его груди. И впервые он почувствовал это именно здесь, в самом центре кладбища кораблей.

Война сама по себе являлась чудовищным извращением человеческих взаимоотношений, но разве о ней задумываешься до тех пор, пока небо над твоей головой не закроет злое, тень орбитального бомбардировщика?

Конечно же, нет.

Локальные конфликты между отдельными планетами и мелкими союзами возникали и сейчас. Анри, как и любой нормальный человек, регулярно смотрел сводки галактических новостей. И только вчера, впервые побывав на кладбище кораблей, он начал осознавать, что на самом деле значит каждая такая сводка, которую раньше слушал вполуха: «На планете такой-то в результате атаки пиратского флота полностью разрушено пять населенных пунктов... Жертвы... Прерваны коммуникации связи и энергоснабжения... Нападавшие... В неизвестном направлении...»

«Мы требуем вывода космических сил из нашего сектора, в противном случае население оставляет за собой право самим изгнать незаконно вторгшиеся формирования Конфедерации солнц...»

Убийства, террористические акты, продажные правительства, каперские флоты... Трагедии... Переломанные судьбы...

За это ли погибали молодые парни, чьи тела плавали вокруг, замороженные космическим холодом?

Почему о них забыли? Куда покатится тот мир, что оставил их плавать в вакууме, как последних бездомных бродяг? Неужели у людей нет ни памяти, ни совести, ничего?! Только день сегодняшний, сиюминутные радости и обиды? А прошлое? Будущее? Преемственность поколений?

Такие мысли, хоть и вносили смуту в душу Бейкера, но, тем не менее, не мешали ему заниматься делом, ради которого он прибыл. Возмущаться черствостью и цинизмом современников он мог в душе, но на деле все обстояло несколько иначе. Анри продолжал свой кощунственный рейд. Среди тех, кто когда-то спас его, кто прямым или косвенным образом способствовал тому, что он родился, вырос, получил образование и работу, среди этих людей он искал подходящее тело, но не затем, чтобы, оживив его, склонить голову перед солдатом, отдавшим жизнь за день сегодняшний. Нет. Он собирался по указке Джедиана Ланге зомбировать его, лишить памяти, превратить в подопытного кролика.

С одной стороны, все это выглядело ужасно, жестоко и бесчеловечно, а с другой – что он мог поделаться? Возмутиться против подобных опытов?

Единственное, чего добился бы этим молодой ученый, так это депортации в нижние уровни Форта Стеллар, туда, где располагались казематы тюрьмы.

Анри внезапно понял, что дверь в большой мир захлопнулась за ним в тот самый момент, как он впервые переступил порог секретной лаборатории номер один.

Этого нельзя было изменить. С существующим положением вещей оставалось только смириться.

И он мирился как мог, уповая на то, что память о посещении кладбища погибшего флота вскоре притупится, сотрется и вернутся те спокойные, рабочие будни, что приносили ему столько радости творчества.

Анри ошибался. Только не хотел признаваться самому себе, что он сделал в жизни доходную, но в корне неверную ставку. У него была совесть, и она, как ни странно, мучила его...

В этот памятный день, после трехчасового лазания меж уродливых обломков, он впервые почти до беспамятства напился в обществе не менее подавленного и сумеречного лейтенанта Нельсона...

...К исходу третьих суток, что поисковая группа Бейкера провела среди обломков космических кораблей, ими было осмотрено около двух сотен мертвых тел. В основном это оказались члены экипажей грузовых кораблей, в которых даже элементарных скафандров хватало далеко не на всех.

Картины агонии уже не резали душу, люди тупели среди парящих в невесомости трупов, их восприятие становилось туманным и безразличным.

Бейкер браковал одно за другим десятки осмотренных тел. Все они, как правило, умерли в результате мгновенной декомпрессии, и кровь от взорвавшихся легких ледяными сгустками парила тут же, вокруг искаженных предсмертной судорогой лиц.

Было, конечно, несколько человек, кто подходил под требования Джедиана, но они не устраивали Бейкера. Он не хотел экспериментировать над солдатами колоний, надеясь отыскать подходящую кандидатуру из числа погибших со стороны Земного Альянса. Анри наивно полагал, что так его будет меньше мучить совесть.

Тщетные мечты.

Земной Альянс обладал в ту пору самой совершенной техникой, и экипировка космических пехотинцев, что составляли основную ударную силу флота, была для своей эпохи попросту превосходной.

Одной из отличительных черт систем жизнеобеспечения боевых скафандров Альянса являлся так называемый «контроль боеспособности». По сути, это был встроенный реанимационный аппарат, который способен выжать из заключенного в защитную оболочку солдата всю его жизнь до последней капли. Стоило бойцу потерять сознание, как включалась соответствующая аппаратура, которая стимулировала организм, впрыскивая в кровь соответствующие дозы препаратов.

Да, Анри видел их. Иссушенные тела с глубоко впавшими глазницами в целехоньких скафандрах. Бойцов, погибших от физического истощения, под многократным воздействием стимуляторов.

Ему казалось, он просто сойдет с ума и никогда уже не покинет это страшное место. Отсюда не должно было быть возврата...

Ворочаясь без сна на узкой и жесткой откидной койке боевого крейсера, он вновь и вновь переживал увиденный кошмар...

Нет... Больше не было сил выносить все это, парить среди трупов и чувствовать себя последним ублюдком, оскверняющим могилы, а потом исправно напиваться до полнейшего отупения. Но и тогда, в горячечном, тяжелом полубытии сна, они не отпускали его, фантомы парили в порожденном алкоголем и постоянным стрессом бреду, и не было от них ни спасения, ни противоядия...

В конце концов, измучившись, Анри пришел к неизбежному выводу: нужно брать то, что есть, и улетать как можно скорее и как можно дальше.

Таким образом, он остановил свой выбор на одном теле, который поисковая группа под руководством Нельсона обнаружила среди обломков «Европы» еще в первый день их пребывания на кладбище кораблей.

Вернее, тел было три, но одно из них принадлежало молодой женщине, другое – роботу-андроиду неимоверно древней модели, и они, конечно, не могли расцениваться как кандидатуры, подходящие под требование Джедиана Ланге, но Бейкер не мог отделить от них интересующего его мужчину – все трое оказались намертво впаяны в единую глыбу мутного льда. Очевидно, что в момент гибели «Европы» они находились в помещении гидропоники, где в специальных емкостях жили простейшие организмы, снабжающие корабль чистым воздухом и протеиновой массой.

В момент разгерметизации отсеков гидропоники бак лопнул и масса воды низверглась на этих троих, мгновенно превратившись в лед, как только космический холод ворвался в помещение.

Бейкер не сомневался, что мужчину и женщину можно оживить, их легкие не тронул декомпрессионный взрыв, они попросту мгновенно умерли от переохлаждения.

Глыбу льда, содержащую три тела, осторожно отрезали от покореженных переборок и поместили в специальный отсек с отрицательной температурой.

Теперь крейсер мог наконец покинуть кладбище кораблей, но Анри, как ни старался, так и не сумел разделить радость лейтенанта Нельсона.

Он чувствовал, что все еще только начинается и главный ужас ждет его впереди, в стерильных стенах секретной лаборатории номер один. То, что искомое тело оказалось впаяно в лед, как и тела инопланетных гуманоидов, играло на руку задуманному Джедианом эксперименту, но Бейкеру такое совпадение казалось еще и символичным... Временами, думая о том, что предстоит ему совершить, Анри охватывал какой-то полумистический ужас.

Он почти не спал, много пил, только это не помогало, и, в конце концов, измучившись, он начал принимать столько снотворного, что обратный путь до Стеллара полностью выпал из его сознания.

Часть 2. ДВЕ СУДЬБЫ

Глава 4.

Секретная лаборатория. Форт Стеллар. Неделю спустя

Джедиан Ланге обошел вокруг глыбы мутного льда, внутри которой смутно очерчивались контуры трех человеческих фигур.

– Один из них андроид, да?

Анри Бейкер кивнул. Он сидел за пультом управления. Глыбу льда поддерживали специальные захваты. Все было подготовлено наспех, и лед уже начал таять, отчего тишину лаборатории нарушал звонкий звук капли, а на полу сверкали лужи талой воды.

– Реанимировать будем обоих, – внезапно приказал Джедиан, закончив свой обход. – Ты готов, Анри?

Ученый кивнул, стараясь не выдать предательской дрожи в голосе:

– Да, сэр...

Джедиан еще немного постоял, глядя в мутные глубины наполненного хлорофиллом пресноводного льда.

– Пока просто произведи реанимацию. Память не трогай, этим займемся позже. Мне нужны стабильные жизненные показатели у обоих.

– Сканирование нейросетей? – осведомился Анри.

– Молодец, рассуждаешь... – похвалил его Джедиан. – Да, я хочу иметь записи их мыслей. Иногда, чтобы манипулировать людьми, очень полезно знать их прошлое, – жутковато усмехнулся он.

– А как быть с андроидом, сэр?

– Поступай как знаешь... – отмахнулся Ланге. – Можешь выкинуть на свалку, а можешь сделать из него слугу. Как хочешь, Анри. Говорят, эти древние модели снабжались псевдоинтеллектном и были трогательно привязаны к своим хозяевам... – Он обернулся: – Как ты думаешь, кому из них принадлежит робот?

– Не знаю... – пожал плечами Бейкер.

– Ладно, работай. – Джедиан повернулся и пошел к выходу из лаборатории. – Держи меня в курсе, Анри, и, если что-то понадобится или возникнут сложности, связывайся с моим секретарем немедленно. Я велю установить на твои вызовы приоритет.

– Хорошо, сэр. Я буду стараться.

Дверь лаборатории тяжело поползла в сторону.

Джедиан вышел, и Анри остался один на один с тремя телами.

* * *

Сознание плыло в черной, болезненной дымке небытия...

Он не ощущал ничего – ни тела, ни одежды, ни каких-то там звуков...

Гробовая тишина и мрак обволакивали его, как саван.

Память Дениса цепко держалась за последний фрагмент жизни. Им был жесткий удар, от которого вдруг начали сминаться переборки корабля, будто они были изготовлены из фольги... потом над головой что-то лопнуло с хрустальным звоном, и на него внезапно обрушилась мутная, дурно пахнущая масса из расколовшегося гидропонического бака...

Холод... Вот то чувство, которое являлось его последним осознанным ощущением.

Дикий, пробирающий до самого сердца холод.

Он даже не успел испугаться.

И вот холод ушел. Ушло вообще все, кроме собственного сознания, которое, лишившись тела, бессмысленно дрейфовало по черным волнам памяти.

Я мертв...

Эта мысль не требовала ни пояснений, ни доказательств.

Отрешенность от мира... Отчужденность... Жизнь после смерти? Возможно ли это?

Денис попытался вспомнить что-то еще, уйти слабым усилием воли от бесконечного, волнообразного скольжения в никуда, и внезапно ему это удалось.

Из окружающего мрака вдруг начало прорисовываться женское лицо. Оно было смутным, зыбким, но знакомым...

Кто она?

Этого Денис не знал. Вместо имени из черноты вдруг начал всплывать радужный мыльный пузырь.

Вот он доплыл до смутных черт женского лица и внезапно лопнул, разлетевшись яркими брызгами воспоминаний...

Черная пелена расступилась, прорисовывая контуры ходовой рубки «Европы»...

* * *

– Сэр, пеленг правого борта, дистанция – триста тысяч километров! Множественные сигналы. Построение в виде атакующего конуса. Это корабли Альянса!

Командир «Европы» капитан Огюст Дюбуа мрачно посмотрел на данные радарного отсека.

– Это флот Альянса... – спустя несколько секунд, прищурясь, заключил он.

– Сэр, еще один пеленг! – доложил оператор радарного отсека. – Тридцать сигналов, построение – ромб. Малотоннажные суда.

– Это наши, – Дюбуа остановился напротив тактической компьютерной карты, что проецировалась на прозрачную стену, делившую надвое ходовую рубку «Европы». – Господа... – Он повернулся к офицерам, что молчаливой группой собрались у операторских кресел в ожидании его команд. – Господа... – немного тише повторил он, и его голос хрипло прозвучал в наступившей тишине. – Дабог пал, и теперь между ударным флотом Земли и обитаемыми системами стоим только мы да вот эта горстка наспех переоборудованных грузовых кораблей.

Он помолчал, поочередно переводя взгляд с одного лица на другое.

– У нас на борту беженцы. «Европа» не боевой крейсер, а грузопассажирский корабль, но, тем не менее... – Огюст остановился, и его голова слегка качнулась на фоне бледной россыпи звезд. – Тем не менее, я буду иметь честь атаковать неприятельский флот!

По рядам офицеров пробежал легкий вздох. Дюбуа ждал, но никаких возражений не последовало. Лишь смертельная бледность выползла на многие лица.

– На карту брошены не только наши жизни... – продолжил он, сам покрывшись пунцовыми пятнами румянца. – Жизнь многих миллионов людей на десятках планет висит сейчас на волоске. Если ударный флот прорвется к Элио, то колонии падут... Это уже предreshено.

Эскадра Воронцова не успеет прикрыть планету. Это должны сделать мы. Задержать их. Дать Воронцову шанс совершить прыжок из системы Рори на элианские орбиты.

Слова, тяжелые, емкие, словно свинцовые, срывались с губ капитана.

Он предлагал им выбрать между неминуемой смертью и позором.

Никто не захотел выбирать.

– Хорошо... – Дюбуа вновь остановился. – В нашем распоряжении меньше часа. Приказываю всем офицерам спуститься на пассажирские палубы. Беженцы должны покинуть «Европу» на спасательных кораблях. Здесь останутся лишь те, кто решит сражаться вместе с нами. У меня все...

Капитан внезапно отвернулся, словно не мог больше смотреть в лица тех, кого только что обрек на смерть.

* * *

Впервые он увидел ее в оранжерее.

Изящное, почти невесомое существо шло по аллее меж искусно закамуфлированных гидроропонных баков, чьи тяжелые, громоздкие конструкции прятались за ширмой живых изгородей.

Встреча произошла не случайно.

Капитан Дюбуа приказал эвакуировать всех гражданских, что летели на борту «Европы»... Вражеский флот приближался, его уже можно было разглядеть в биноклях оптических умножителей, и несчастные, что бежали с Дабога с последним стартующим кораблем, не роптали. Они прекрасно понимали, какая участь ждет «Европу», и со слезами на глазах, молча занимали свои места в спасательных шлюпках.

Когда от борта «Европы» отвалила предпоследняя из них, Денис, как старший по званию, еще раз проверил все палубы и отсеки через компьютерную сеть.

Тут и обнаружился этот сигнал. Кто-то остался в оранжерее, сознательно или по неведению отказавшись покинуть обреченный корабль, хотя по сети интеркома каждые пять минут передавалось предупреждение всем пассажирам.

Выругавшись, он секунду помедлил, решая, как поступить дальше.

– Капитан! – произнес он, вызвав на связь ходовую рубку.

– Да? Дюбуа слушает.

– Капитан, это Велехов. У меня остался сигнал на десятой палубе. Кто-то бродит по оранжерее!

– Проклятье... Денис, это плохо. Самая незащищенная часть корабля. После первого же попадания там будет вакуум!

– Я знаю. Они близко?

– Сорок тысяч. Рукой подать, но ты еще успеешь. Давай пулей туда, и сразу же на боевой пост. У тебя третий блистер, ты понял?

– Так точно! – ответил Денис. – Что делать с пассажирами?

– Не знаю! – откровенно взорвался командир. – Запихни в какой-нибудь отсек. Не до тебя, Велехов, извини. Думай сам, не маленький!

– Хорошо... – мрачно ответил он, отжав клавишу.

Самый короткий путь до оранжереи вел через систему технических коридоров «Европы».

У Дениса не было времени, чтобы надеть скафандр. Он открыл межпалубный люк и прыгнул в красноватый сумрак запутанных инженерных коммуникаций.

Через пять минут он уже был на месте.

Со стороны разыгравшаяся спустя несколько секунд немая сцена наверняка выглядела до крайности глупо: офицер межзвездного космического лайнера застыл, повернув голову и не закончив начатое движение, а поразившая его девушка даже не заметила произведенного эффекта. Она шла по аллее меж секций гидропоники, рассеянно глядя себе под ноги, а вслед за ней тащился довольно прилично сохранившийся робот-андроид, каких уже давно не выпускали ни на одной из цивилизованных планет.

До лейтенанта Велехова, в груди которого уже начал закипать гнев, долетел обрывок произнесенной им фразы:

– Дарья Дмитриевна... – Робот говорил немного гнусавым, но, в общем-то, достаточно сносно отмодулированным голосом. – Вам следует надеть что-нибудь потеплее! Мои сенсоры фиксируют сквозняк. Это опасно для вашего здоровья!

– Не брюзжи, Хьюго! – не поворачивая головы, попросила она. – Здесь нет никаких сквозняков. Лучше почитай мне что-нибудь вслух.

– Что именно, мисс? – вежливо осведомился андроид, прибавляя шаг, чтобы оказаться вровень с хозяйкой.

– Ну хотя бы Стивена Рауфа. Ты переписал его последний роман?

– Одну секунду, Дарья Дмитриевна... – Андроид, который носил человеческое имя, непринужденным жестом подставил спутнице свой локоть, и девушка взяла его под руку. Явно, они путешествовали вместе уже не первый день. – Соединение с библиотечным процессором... – меланхолично прокомментировал он, чуть наклонив голову... – Загрузка данных...

Пока он говорил, девушка смотрела куда-то в туманную даль оранжереи. Легкий ветерок, на который только что сетовал андроид, являлся обычным током воздуха от скрытых вентиляционных отверстий системы регенерации. Его слабого, эфемерного дуновения едва хватало на то, чтобы лениво шевелить складки ее платья, созданного из дымчатой полупрозрачной ткани.

Словно время отхлынуло назад. Не было вражеского флота, и призрак близкой смерти не стоял за спиной, уродуя лицо нервной ухмылкой.

...В ботаническом саду на далеком Кьюнге играл оркестр.

Он шел между матерью и отцом, держа их за руки, а ветер играл складками ее воздушного платья...

Денис непроизвольно встряхнул головой, пытаясь отрезвиться от мимолетного наваждения, но, несмотря на справедливый гнев и всю ирреальность, неуместность ситуации, он не смог отвести глаз от ее платья, которое на глазах меняло свою фактуру и, словно издеваясь над застывшим у люка офицером, то на доли секунды очерчивало смутный контур ее хрупкой фигуры, то тут же, будто стыдясь озорства, темнело, принимая обычный вид цивилизованной одежды...

...В этот самый момент динамики интеркома, которых хватало в любом отсеке корабля, в очередной раз прорычали свое предупреждение:

Внимание! Всем гражданским лицам на борту «Европы»! Срочно проследовать на палубу номер два для экстренной эвакуации. У вас осталось сорок секунд до старта последней спасательной шлюпки! Повторяю. Пассажирский корабль «Европа» находится под атакой вражеского флота! Всем гражданским лицам немедленно проследовать...»

Нет... Это казалось колдовством, мгновенной слепотой, как запаздывание светофильтров при повороте истребителя «на солнце»...

Андроид и девушка будто не слышали предупреждения.

В ней присутствовало что-то совершенно особенное: то, как она наклоняла голову, касаясь прядкой волос покато плеча дройда, ее походка, низкий грудной голос, тонко очерченный подбородок, задумчивые глаза... то, как она улыбалась, не разжимая губ... и еще множе-

ство едва уловимых деталей совершенно внезапно трансформировались в подсознании Дениса в некий носимый в душе много лет образ... заставив молодого, но достаточно опытного и самоуверенного офицера застыть на пороге межпалубного люка.

Или это близкая смерть сыграла над ним свою последнюю жестокую шутку?

...Люк закрылся под собственным весом, отчетливо чавкнув пневматическим уплотнителем.

Денис вздрогнул, оторвав взгляд от пленившей его разум фигуры...

«Наваждение какое-то...» – не без злости на самого себя подумал он, отведя рукой загромождающую проход ветвь кустарника, что был высажен перед баками гидропоники.

Проклиная все на свете, он бросился, ломая декоративные кусты, туда, где молодая женщина шла, доверчиво опираясь на согнутую в локте руку человекоподобной машины.

– ...Фридрих Конски, мелкий чиновник министерства культуры планеты Элио, частенько злоупотреблял своим служебным положением, чтобы первым посмотреть новый фильм «психологического ужаса», что поступал на сервер его учреждения для...

Голос робота четко раздавался в тиши оранжереи. За прозрачным куполом из бронепластика уже невооруженным глазом были видны навигационные огни атакующей армады, а тут, посреди искусственного мирка зелени, андроид, которого звали Хьюго, декламировал своей спутнице начальные строки последнего триллера Стивена Рауфа – популярного несколько лет назад писателя, романы которого содержались в бортовой библиотеке «Европы», курсировавшей до войны по маршруту Дабог – Стеллар – Кьюиг.

– Эй! – отчаянно и зло крикнул Денис. – Вы что, с ума сошли?!

Девушка вздрогнула, остановилась и начала поворачиваться на его голос.

В ее глазах таилось тщательно скрываемое безумие.

В этот момент что-то оглушительно ударило в борт «Европы», слабые переборки застонали, сминаясь от удара, и конвульсивная волна разрушений прокатилась по кораблю, в который угодил ракетный залп атакующего флота.

Над головой Дениса раздался мелодичный, хрустальный звон, и внезапно сверху на пол оранжереи обрушилась масса вонючей зеленоватой жидкости...

Последним его чувством был ледяной холод...

* * *

– ...Хорошо, Анри, я вижу. Это стойкое травматическое воспоминание. Оно блокирует остальные участки мозга. Но это ничего. Все терпимо. Введи ему успокоительное, смотри, как взбесились графики ...

Голос долетал до сознания Дениса сквозь плотную завесу тьмы...

Он хотел закричать, но не смог.

Его сознание меркло, как робкое пламя свечи на ветру.

– ...Очень удачно, что ты захватил их всех. Теперь, когда мы знаем, как прочно ее образ закреплен в сознании Велехова, им будет совсем нетрудно манипулировать с помощью этой самой женщины... – Голос удалялся, становился тише, прозрачнее ...

Потом тьма окончательно поглотила его.

* * *

В отличие от Велехова, о существовании которого она даже не подозревала, Даша приходила в себя долго, мучительно и с полным осознанием собственной материальности.

Боли не было.

Но лучше бы она была...

Ее выворачивало наизнанку, и длилось это бесконечно.

Крупная дрожь сотрясала нагое тело, по которому текли щекотливые капли ледяного пота...

В ее сознании тоже жили собственные фантомы, долго и тщательно сдерживаемые чрезмерными дозами успокоительных препаратов, но никто не позаботился о них в данный момент, и ее подсознание не упустило этот исключительный шанс.

Уж оно постаралось оторваться на полную катушку, будто мстя обессиленной женщине за то, что она так долго держала взаперти собственное воображение.

Приступая к процессу реанимации, Анри Бейкер не подозревал, что она больна, а когда понял, то ужаснулся тому, насколько глубоко может быть травмировано сознание обыкновенного человека.

Ее мысли, отраженные на контрольном дисплее четкими черно-белыми образами, напоминали бесконечный спуск по ступеням преисподней.

Эта женщина страдала особым видом наркомании. Ее зависимость была полной, и «сидела» она отнюдь не на биологическом наркотики.

Дашу «посадили» на виртуалку, и она прочно зацепилась за разрушительный мир фантомных образов.

Впрочем, ужас Анри Бейкеру внушал не сам факт виртуальной зависимости, а то, как эта зависимость сочеталась с вполне реальными воспоминаниями и фактами ее биографии.

Проникновение в мир ее образов подавляло его и в то же время разжигало в нем жгучее, почти болезненное любопытство.

Это была не бытовая виртуалка, отнюдь. Ее мир не имел ничего общего с кукольным городком или иной красивой игровой чуждой.

Нет. Он оказался мрачен и страшен. И породила его не страсть к компьютерам и не желание уйти в красивый и неосязаемый мир вседозволенности...

Виртуальную зависимость Даши Кречетовой породила война.

Поначалу Анри никак не мог понять, откуда в ее сознании то и дело возникает сложная паутина зеленоватых пунктирных трасс, пока наконец не обработал эту картинку на компьютере при помощи специальных, дешифрующих алгоритмов.

Зеленая сетка оказалась не чем иным, как узором траекторий, перемежающихся с нитками околопланетных орбит.

Нужно сказать, что у Анри Бейкера такая трактовка ее ненормальных видений поначалу вызвала недоумение.

Война... Это было очевидно, но при чем тут молодая, едва достигшая двадцатилетнего возраста женщина и эти пунктиры траекторий?

Как они взаимосвязаны с долгой блокадой, орбитальными бомбежками и в конечном итоге – падением Дабога, который был ее родиной?

Не найдя объяснения среди своего личного жизненного опыта, Бейкер обратился к историческим документам.

Просматривая материалы по Дабогу, он вдруг наткнулся на несколько очень любопытных абзацев текста:

«К третьему месяцу планетной блокады, после многочисленных бомбежек, противнику удалось разрушить все основные узлы компьютерной сети Дабога, и казалось, что путь штурмовым отрядам открыт, но очередная попытка десантирования в атмосферу внезапно напоролась на еще более ожесточенное сопротивление – это добровольцы из мирных граждан, надев

шлемы виртуальной реальности, восполнили собой бреши в компьютерной обороне планеты, сами управляя ракетами и наземными орудиями...

Через месяц, осознав всю тщетность своих попыток сломить сопротивление граждан Дабога, флот Земного Альянса вынужден был возобновить орбитальные бомбовые удары, окончательно превратив некогда цветущий мир в сплошную радиоактивную пустыню...

Бейкер смотрел на скупые строки, и ему все еще не верилось, что именно в них крылись истоки психической болезни Даши Кречетовой.

И только осознав это как факт, Анри понемногу начал постигать страшный смысл того бреда, что выталкивало на экран монитора ее пробуждающееся сознание...

Его пациентка билась в конвульсиях, а он сидел подле мерцающего экрана компьютера и завороченно смотрел на смутные образы, что порождало ее распоясавшееся подсознание.

Серый, расцвеченный угольными тенями тоннель...

Анри некоторое время двигался по нему вместе с ее мыслью, затем машинально переключил монитор на цветное изображение и понял, что тоннель открыт в оба конца: с одной стороны струился мягкий зеленоватый свет, а с другой – клочкотало яростное, багровое пламя.

Сам проход, протянувшийся меж двух разноцветных пространств, оказался наполнен пеплом, и призрачные тени, населявшие его, медленно отлипали от серых стен, некоторое время шли вровень с мыслью бившейся в реанимационной камере женщины, а потом начинали мутнеть, дрожать и наконец рассыпались в прах, который подхватывал и уносил дующий вдоль прохода ледяной ветер.

Конечно, Анри не мог ощущать его порывов, но подсознательно он почему-то был уверен, что ветер именно ледяной. Глядя, как он рвет фигуры, истончая их, делая хрупкими и нематериальными, он едва не начинал стучать зубами от холода, зябко одергивая лабораторный халат, будто и сам уже сошел с ума.

Персонажи кошмара ухмылялись скорбно и зло...

Они были очень разными и в то же время похожими... Призраки тех, кто покинул ее, бросил, сторов в адских вспышках ядерного пламени...

Вот маленькая девочка в коротеньком платьице, что идет, доверчиво уцепившись за руку взрослой женщины, очевидно, матери.

Внезапно из той части тоннеля, где горит багряный отсвет, налетает порыв ветра, и фигура взрослого вдруг начинает таять, оплывая, как старинная восковая свеча; ее черты искажаются, словно по ним бежит рябь, и вот девочка уже одна... стоит посреди сумрака и широко открытыми глазами смотрит на огрызок человеческой руки, что все еще сжимает в своей ладони...

Она кричит.

Из зеленого сияния внезапно прорисовывается другая фигура.

Это мужчина в форме.

Он идет по проходу навстречу кричащей девочке. Берет ее за руку и ведет за собой мимо призрачных фигур, которые одна за другой тоже рушатся, оплывают...

Девочка вдруг на глазах начинает взрослеть.

Ее детские черты грубеют, затем вдруг немного истончаются, лицо становится слишком уж серьезным. На нем внезапно начинают выделяться большие печальные глаза, которые провожают взглядом каждую рассыпающуюся в прах фигуру... и затаившаяся в них боль все копится, становится отчетливее, сильнее...

А зеленоватое сияние ближе... Оно манит к себе и пугает одновременно. Его свет – пульсирующий и неровный. Чем ближе конец странного коридора, тем четче проступает в нем рисунок собранных в сетку линий, они тянутся к повзрослевшей девочке, опутывают ее, сливаются с одеждой...

Боль постепенно уходит из ее глаз, оставляя лишь отрешенность...

Серые фигуры остаются позади.

Они не властны над ней в этом изумрудном сплетении траекторий.

Здесь забвение. Холодный покой конечных координат. Мир, в котором все ясно до последней запятой. Мир, который послушен ей, который не предаст, не рассыплется прахом.

Это и есть та самая виртуальная реальность, в которой она жила долгое время. До полной потери реального мира. До абсолютной психической зависимости.

Мир, где ее пошатнувшийся разум восполнил собой катастрофический недостаток настоящих компьютеров...

Анри, который уже потерял ощущение времени, вдруг понял, что зеленые линии сходятся в очертания каскадных пультов, за которыми сидит она, Даша Кречетова, с виртуальным шлемом на голове, и от нее в недра сияющих огнями боевых терминалов убегают десятки проводов.

Она смотрит в никуда. Ее взгляд спокойно проникает сквозь материальные преграды, в черную, холодную бесконечность космоса, где на фоне размазанных звезд к шарiku ее родной планеты день за днем приближаются армады кораблей, четких, пульсирующих на фоне чернильного пространства алых контуров...

Она смотрит на них долго, пристально...

И внезапно тонкие зеленые нити отделяются от шарика израненной планеты и тянутся к ним...

Быстрее... Еще быстрее...

Анри едва не закричал, когда изображение на экране резко сменилось: вместо призрачных, фантомных образов он увидел реальный космос, снятый с видеокамер несущейся сквозь пространство боеголовки, стремительно растущий борт космического корабля, тупой удар, проминающий броню, и ослепительный, горячечный взрыв, который уничтожает мозг, сжигает сознание...

Еще секунда... и все.

Экран темнеет, потом вспыхивает вновь, и опять его наполняют дрожащие, зеленоватые нити.

Безумие повторяется. Снова и снова... Как закольцованная пленка...

Это называется войной.

В глубинах подземного бункера сидит она, опутанная километрами проводов, и ее разум напрямую управляет ракетами, стартующими из глубоких шахт навстречу вражеским кораблям.

А по поверхности планеты, над бункером, порывистый, ледяной ветер стелет поземку из радиоактивного пепла, в который превратились все – ее родители, друзья, знакомые... вся ее жизнь.

И снова беспощадные пунктиры траекторий тянутся через пространство к чужим кораблям, чтобы расцвести ослепительными, пережигающими большой разум вспышками...

Потом кончается и это.

Кто-то выдергивает ее из кресла, безжалостно обрывая провода, и тащит по серым тоннелям туда, где на обожженных бетонных плитах стоит последний стартующий с Дабога космический корабль...

Глава 5.

Форт Стеллар. Обзорный зал личных апартаментов Джедиана Ланге. Неделю спустя...

Она стояла у окна, повернувшись к Джедиану спиной, и смотрела на немигающие звезды, сложные силуэты парящих в космосе орбитальных станций, огоньки движущихся кораблей, а Ланге сидел в кресле и ждал.

Силуэт Даши четко прорисовывался на фоне черного космоса. Платье из плотной однотонной ткани сидело на ней чуть мешковато и, вкупе с коротким ежиком едва отросших волос, производило впечатление арестантской робы.

Она зябко повела плечами, но не повернулась.

«Интересно, о чем она сейчас думает?» – Джедиану не давала покоя ее хрупкая, почти мальчишеская фигура, резко очерченные, заострившиеся из-за худобы лица линии скул и упрямо сжатые губы... Он вдруг поймал себя на мысли, что эта девочка из прошлого волнует его больше, чем самая ослепительная красавица на светском рауте.

– Ну, что ты мне скажешь? – облизав внезапно пересохшие губы, спросил он, нарушая тишину. – Здорово все изменилось, да?

Она кивнула, едва шевельнув головой.

– Сколько прошло лет?.. – тихо спросила Даша.

– Сто с небольшим... – небрежно ответил Джедиан, томительно ожидая, когда она повернется. Ему хотелось взглянуть в ее глаза и увидеть в них страх. Беззащитность. Подавленность.

Но Даша будто окаменела у окна.

«Нужно будет установить в комнате сканер... – подумал Джедиан. – Ее мысли, должно быть, очень любопытны...»

– Не хочешь знать, что с тобой случилось? – вслух спросил он.

– Нет... – едва слышно ответила она.

– А зря... – Джедиану показалось, что при этих словах она вздрогнула всем телом и вновь едва заметно повела плечами, как от озноба.

– Почему ты не покинула «Европу» вместе с остальными пассажирами? – Он достал сигарету, прикурил и закинул ногу на ногу. Этот допрос, начатый в форме доверительной беседы, все больше и больше захватывал его воображение.

Даша молча смотрела на яркие россыпи звезд. В ее сознании они распухали, превращаясь в ослепительные солнца ядерных разрывов...

Виртуальная ломка.

Болезнь сознания, которую не способно излечить время... «Даже целый век беспамятства не смог меня избавить...» – горько подумала она, пытаясь отрешиться от навязчивых картин, что рождало ее больное воображение. Джедиана она воспринимала каким-то краешком сознания, и его образ, в ее понимании, завис где-то на уровне клерка – занудного чиновника на государственной службе. Слова же долетали до нее, как через слой ваты...

– Зачем?.. – наконец спросила она, не ощущая, сколь велика оказалась пауза между вопросом и ответом.

– Тебе безразлично – жить или умереть? – саркастически ухмыльнулся Джедиан. – Не поверю. Любой человек хочет жить. А твой поступок – просто глупая бравада. Перед кем?

Даша наконец повернулась и непонимающе уставилась на него, словно этот человек, развалившийся в кресле напротив, выпал в ее измерение из другого мира.

Впрочем, присмотревшись к чертам его полного, упитанного лица и встретившись взглядом с глазами Джедиана, она вдруг поняла, что так оно и есть. Этот человек ничего не знал

про ее мир. Он не жил в нем. В его ладонях никогда не таял грязно-серый радиоактивный снег наступившей после орбитальных бомбежек ядерной зимы.

Она вдруг вспомнила...

Вспомнила, как все начиналось... Тот сумрачный серый день противоестественной природе зимы, когда наступил предел ее безысходности и она решилась спуститься вниз, к боевым бункерам, чтобы записаться добровольцем в систему обороны Дабога и уже больше никогда не подниматься под тускло-красный солнечный свет...

В тот день она вышла из бомбоубежища на заснеженное поле космодрома и долго бесцельно брела, глядя себе под ноги на страшный, серый снег.

Где-то неподалеку с утробным воем сел космический истребитель... а она шла и шла, пока совершенно случайно не оказалась подле места посадки.

Даша, погруженная в свои мысли, едва не споткнулась о сержанта планетарных сил самообороны, который, посадив истребитель, вылез из него и опустился прямо на мерзлую землю подле раскаленной опорной стойки, словно его вдруг покинули силы.

Даша остановилась как вкопанная.

Тогда он тоже казался ей призраком, выходцем из иного, непонятного мира, потерявшим свою сцену актером страшной драмы...

Сержант сидел, глядя глубоко запавшими глазами себе под ноги, а его руки машинально загребали рыхлый снег и сыпали его между пальцев, на колени, на грудь...

Это было страшно. Взрослые сходили с ума, один за другим.

– Нам не остановить их... – едва слышно шептал он, зачарованно глядя на серебристый снег. – Не остановить... Не остановить...

Тогда она заплакала во второй раз после смерти родителей.

В первый раз она плакала, когда Хью, тот самый робот-андроид, с которым несколько месяцев спустя... или сто лет назад?... она прогуливалась по аллее гидропонического отсека «Европы», нашел ее через две или три недели после первой бомбежки Дабога...

До этого была пустота. Полнейшая пустота без слез, без боли, без обиды...

Просто мир вокруг умер. Сгорел, как свечка... Обратился в прах... Она поняла это, когда вне себя от тревоги сумела протолкаться к обзорному экрану бомбоубежища и увидела... Увидела, как в багряно-сером сумраке в небо торчат несколько костлявых и погнутых опор линии электропередачи... Это было все, что осталось от города. От родителей... От ее жизни. Опоры, накрываясь, застыли на краю гигантской остекленевшей воронки, а ветер уже заметал ее тоннами серого пепла.

Вскоре наступила зима. Кто-то сказал, что она будет длиться не меньше ста лет...

Сто лет... Даша вдруг с тоской подумала, что сейчас, должно быть, там уже наступает весна.

Зачем? Зачем ей тогда, на «Европе», нужно было, расталкивая других людей, лезть в шлюпку, если ее душа сгорела вместе с планетой, а ее остатки замерзли, покрылись ледяной коркой?

Ведь она знала, что никто и нигде не ждет ее, от прежней жизни оставались лишь ошметья рассудка, чудом уцелевшее выходное платье матери да Хьюго, которого неделю «чистили» от радиации, прежде чем впустить к ней в бомбоубежище.

Нет, она не задумывалась над тем, нужно ли ей бежать с «Европы». Просто надела платье и пошла в сад, чтобы хоть на мгновение вернуть частицу той несбыточной жизни...

Чтобы в последний миг перед смертью, которая уже давно воспринималась как избавление от кошмара, в последний миг ощутить себя ЧЕЛОВЕКОМ и запомнить, унести с собой это чувство.

Ничего не получилось...

– Дабог?.. – Это слово сорвалось с губ помимо воли, просто в унисон мыслям.

– Что «Дабог»? – не понял Джедиан.

– Планета Дабог. – Она словно выплывала из омута беспомысленности. – Там наступила весна?..

Джедиан нахмурился. Ему, конечно, нравились ее туманная непоследовательность и романтический трагизм вопроса, но не переигрывает ли она?

Он не понял одного – она не играла.

Для того чтобы осознать это, оказалось мало быть хорошим психологом. Это нужно было пережить внутри себя, но на подобные эксперименты у Джедиана не было ни времени, ни желания.

– Не знаю, – пожав плечами, ответил он. И тут же немного раздраженно добавил: – Девочка, тебе мало, что я спас твою жизнь? Ты сотню лет проболталась в космосе внутри куска льда, и вот ты чудесным образом спасена, вернулась к нормальному существованию, и к чему тебе теперь какие-то муки столетней давности? Вот, посмотри сюда, – он демонстративно поднял руку и ущипнул себя. – Смотри, я живой! И ты тоже!.. Давай приходи в себя, слышишь?

Даша не ответила. Она опять боковым зрением поймала звезды.

Ее непреодолимо тянуло туда, в холодный, кристально чистый мрак... Зеленые ниточки траекторий. Горячее покалывание в висках... Покой... Отрешенность...

«Это я спасала вас всех...» – вдруг подумалось ей, но мысль прошла без эмоций, просто как констатация факта...

Она отвернулась к экрану и вновь замерла, будто изваяние.

Она еще не понимала, что жизнь возвращается... И ее виртуальная ломка не настоящая, а лишь постэффект... следствие клинической смерти.

– Где мой андроид? – тихо спросила Даша, вновь повернувшись к окну. Джедиан не интересовал ее абсолютно, он чувствовал это... и злился.

Но, посмотрев на нее, он вдруг с удивительной легкостью подавил раздражение. Все это было так необычно... Новизна чувств, которую Джедиан не испытывал уже много лет, пленила его. Он смотрел на Дашу и представлял, какая она несчастная, раздавленная, одинокая...

– Послушай, девочка... – Он встал с кресла и, подойдя к ней, осторожно взял Дашу за плечи. – Я понимаю, как тебе одиноко... Но ты должна понять, что я...

Даша от прикосновения его рук вздрогнула и стала поворачивать голову. Полуобернувшись, она встретила его взгляд, секунду смотрела в глаза, а потом спросила, едва разжимая сухие и потрескавшиеся губы:

– Ты кто?

Джедиан опешил.

– Я?... – переспросил он, чувствуя всю нелепость ситуации. – Я хозяин... Хозяин всего вокруг... – медленно выговорил он, желая раз и навсегда расставить все точки над «и» в ее сознании. – И я твой друг, понимаешь? – добавил он, продолжая удерживать Дашу за плечи.

Она чуть повела ими, словно стряхивая его пальцы. Потом подняла голову и сказала, тихо, но отчетливо, не отводя похолодевших глаз от его лица:

– Отойди от меня... хозяин.

Джедиан отпрянул, словно его наотмашь хлестнули по щекам.

Лицо наследника Форты Стеллар вспыхнуло румянцем. Такого с ним не приключалось уже давно.

Внезапно его разум затопила бесконтрольная ярость.

– Послушай, милая! – Он смотрел на нее почти что с ненавистью. – Не думай, что ты будешь тут стоять и безнаказанно хамить мне. Тебя оживили по моему приказу лишь потому, что твой образ очень сильно занимал разум одного человека, а мне стало любопытно, кто ты такая!.. – Он вдруг осекся, словно в горячке сболтнул лишнее, но злость, кипевшая в нем, пересилила и осторожность, и здравый смысл. Швырнув на стол бокал, который покатился по

столешнице с жалобным звоном, он вновь обернулся к Даше, которая безучастно смотрела в глубины панорамного окна.

– А ты – мертвая, – жестко заключил он, глотнув прямо из бутылки. – Уже сто лет как справка о твоей смерти пылится в эвакуированных архивах Дабога! – Джедиан отер губы и повернулся к выходу. – Так что не выпендривайся и запомни: ты живешь, пока я в этом заинтересован. —

Ему вдруг надоел этот разговор, но, развернувшись чтобы уйти, он остановился уже на пороге и добавил, постепенно успокаиваясь: – А у меня может быть к тебе всего два вида интереса: один – экспериментальный, а другой – мужской. Подумай об этом, девочка, пока у тебя есть немного времени. Умирать вторично – удовольствие ниже среднего!

Даша стояла, глядя на далекие и холодные звезды.

Она запомнила каждое его слово, но маска полного безразличия не сошла с ее лица. Нет. Она уже умирала однажды и теперь на многое смотрела иначе. Спокойнее.

Двери сомкнулись за Джедианом, который так и не дождался от нее никакой реакции. Даша еще некоторое время смотрела в окно, а потом обернулась и обвела взглядом пустую комнату.

Она медленно, но неотвратимо приходила в себя.

Если на Дабог спустя сто лет все же пришла весна, есть ли смысл умирать вторично?

Никто не мог ответить ей на этот, не заданный вслух вопрос.

* * *

Свое появление на Черной луне Денис запомнил надолго.

Собственно, сам планетоид, дрейфующий в безграничном пространстве космоса в сопровождении двух своих братьев, занимал его меньше всего.

Важны были обстоятельства, сопутствующие его первой высадке.

До того, как он очнулся, Велехов тоже жил. Это казалось ему очевидным и походило на бесконечный, мрачный сон.

В сознании Дениса зиял черный провал безвременья, плавающая в котором он то и дело слышал потусторонние голоса.

Когда он начинал думать об этом, вспоминать их, то память вдруг изменяла ему, выдавая лишь жалкие обрывки тех бесед, что велись по ту сторону мрака.

Обычно появлению голосов предшествовало розоватое сияние в том месте, где, как он подозревал, должны были находиться его собственные глаза.

Денис не сомневался, что помнит все, вот только что-то мешало его памяти работать как нужно, и поэтому воспоминания получались туманными и обрывочными.

Свет... Розоватое сияние ассоциировалось именно с ним, ярким, режущим глаза светом хирургических ламп, который он не мог воспринять в полной мере то ли потому, что его веки были постоянно опущены, то ли потому, что ему специально закрывали лицо...

– ...Мистер Ланге, он приходит в себя.

– Вижу. Спокойнее, Анри. Все идет как нужно. – Голос был бесстрастен в противоположность первому, в котором то и дело звучала нервозность. – Добавь кислород и приготовься. Будем имплантировать под черепную коробку электронные блоки.

Пауза.

Затем из тьмы выплывает огромный знак вопроса.

– Зачем?

И ответ, спокойный и деловитый:

– Там, куда он отправится, дополнительные возможности могут оказаться неоценимым подспорьем. Вот увидишь, когда начнем его обкатку. Мне не нужно, чтобы он прошел мимо искомого только потому, что не может заглянуть вниз, через пласт реголита, или погиб из-за заторможенной реакции, или неверно оценивал расстояния. Это было бы глупым риском, – рассудительно заявил голос. – Нет, мы дополним его мозг вполне современной электроникой. Он получит компьютерное видение и массу других возможностей .

Затем розовый свет вдруг начал угасать, и его разум пронзила боль...

Так повторялось много раз. Денис не мог вести счет этим предполагаемым операциям, результат которых неизменно сводился к одному и тому же – он проваливался в боль и черноту, получив, как утверждали общающиеся между собой голоса, «еще одну дополнительную возможность»...

Это было хуже, чем пытка.

Они, должно быть, не понимали, что Денис краешком сознания воспринимает их.

Из него лепили нечто чудовищное, не поддающееся осмыслению, а он не мог воспрепятствовать этому.

Соппротивление не входило в узкий круг его реальных возможностей.

Он даже не имел никакого представления о времени, и обрывки затухающих воспоминаний о прошлой жизни странно перемешивались в его сознании с этими потусторонними головами, чернотой и еще чем-то непонятным, совершенно чуждым его пониманию.

Это «что-то» постоянно жило в нем и со временем стало проявлять себя все настойчивее.

Теперь, поднимаясь из омута беспамятства, он не только слышал эти голоса, к которым в конце концов начал даже привыкать, но и еще что-то...

Сначала это выражалось в неприятном ощущении взгляда со стороны. Словно кто-то невидимый смотрел на него из глубины обволакивающего мозг мрака.

Изучающий взгляд был холоден и абсолютно чужд.

Потом, спустя какое-то время, его вдруг начали посещать странные видения.

Словно он плыл в зеленоватой, но удивительно прозрачной воде, толщу которой пронзали направленные лучи точечных светильников. Они выхватывали из зеленоватого сумрака стены коридора, на которых жили нитевидные водоросли и заодно указывали какое-то направление.

Для Дениса такие картины оказались столь противоестественны, что он вдруг ощутил острый спазм удушья, словно действительно плыл под водой.

Он начал задыхаться, пуская пузыри и тщетно пытаясь удержать дыхание. Ничего не получалось. Он хотел взмахнуть руками, чтобы плыть вверх, но рук не было.

Единственным новым ощущением оказалась страшная тупая резь. Наверное, в груди. Это спазм... Удушье...

Он панически искал выход, но ничего не мог поделать. Он тонул. Все его существо корчилось в судорогах, отчаянно протестуя против тонн зеленоватой прозрачной жидкости.

В конце концов, не выдержав борьбы, Денис открыл рот и вдохнул.

Вода с отвратительным бульканьем полилась в дыхательное горло.

Он захлебнулся...

...И тотчас в его сознание вновь ворвались голоса.

На этот раз оба они были неподдельно встревожены и в то же время радостно возбуждены...

– ...Есть, господин Ланге! Есть! Он задыхается! Кислород, скорее !..

– Это фантомные ощущения, Анри! – возбужденно ответил второй голос. – Смотри, давление кислорода в норме! Но он задыхается !

– Господи, откуда это? Мы же вычистили из памяти все, что касалось его смерти... О божье!.. Интоксикация! Не может быть... Что делать? Почему это?!

– Спокойнее... Его мозг не верит в то, что он получает кислород. Посмотри на сканер, Анри, он считает, что плывет под водой в каком-то тоннеле. Я был прав! Прав! Ты только взгляни на это, видел где-нибудь подобное, а? Это не наши конструкции... Дьяволы Элио, он видит их! Видит !..

– Сэр, что мне делать? Сердце останавливается. Все признаки удушья !

– Гаси сознание, болван! Что растерялся?!

Денису было страшно.

Потом спасительная тьма навалилась, как обычно, безо всякого предупреждения... Голоса истончились и заглухли.

Так продолжалось очень долго.

Он привык не только к голосам, но и к ирреальным путешествиям под водой.

Его сознание сумело примириться с этим.

Он уже не задыхался. Просто не думал о том, что надо дышать, и все стало получаться как-то само собой.

В какой-то момент голоса и розовый свет вдруг отошли на задний план, больше не тревожили, и он незаметно для самого себя раз от раза все глубже и глубже проникал в некую чуждую ему, противоестественную стихию.

Длинные коридоры, наполненные зеленоватой водой, плавно вливались в залы, в которых плавали, ловко работая ногами-ластами, уродливые пародии на человека, больше похожие на раздетые манекены.

Как ни странно, но Денис не чувствовал к ним должного отвращения. Он знал, что они здесь по делу.

В зеленоватом сумраке сферических залов тут и там светили бледные, размытые разноцветные огни. Он не подплывал близко, а издали казалось, что это светятся какие-то приборы или пульта управления...

И только однажды он увидел звезды.

Голубоватые, яркие, режущие глаз россыпи звезд, на которые напознала страшная, бесформенная, темная тень.

Потом одна из искр звездного огня внезапно вспыхнула, стала распухать, окутываясь ореолом нестерпимого света... и он почувствовал, как в груди что-то болезненно оборвалось, словно он знал, там, у этой далекой звездочки, только что погибли живые существа.

Это был акт отчаянного самоуничтожения ради того, чтобы остановить расплзающуюся в пространстве бесформенную черноту...

Он ничего не понимал, но тем не менее ему действительно стало больно и горько.

Почему-то он думал, что вскоре придет и его черед своими руками разжечь в космосе неистовый факел сверхновой, чтобы спалить в ее горниле часть того черного облака, что, редая, упорно двигалось проторенной тропой исторической миграции...

Потом кончилось и это.

– Начинаем обкатку, Анри ...

– Подключаю сервер, господин Ланге. Все процессорные блоки синхронизированы во времени. Генератор случайностей подключен .

– Пошел !..

...Он увидел ровный, нейтральный свет, чуть приглушенный и ненавязчивый.

К своему изумлению и запоздалому страху, Денис понял, что вновь обрел тело.

Он лежал на узкой жесткой койке и глядел в низкий потолок корабельного отсека, с которого тускло светил дежурный плафон.

Не веря ни одному своему ощущению, Денис поднял руку и с замиранием сердца уставился на собственную ладонь.

Живой?!!

В первый момент он испытал столь сильное эмоциональное потрясение, что все тело обдало жаром, еще раз со всей очевидностью доказывая его материальность.

Он же умирал... Погиб... в глубоком космосе, так и не добравшись до боевого поста из-за какой-то дуры, что гуляла по оранжерее, вопреки приказу об эвакуации!..

Воспоминания обрушились на него, как каскад ледяной воды.

«...Как это может быть?! Ведь мы вычистили из его памяти все, что касалось смерти!..»— Голос неизвестного, что долетал до него сквозь тьму безвременья, четко прозвучал в голове Дениса.

Фрайг!..

Он рывком сел, обхватив голову руками, и застыл, пытаясь унять бешеный гул крови в висках.

Что все это значит?!

Отняв руки от головы, которая пылала в приступе горячки, Денис посмотрел на себя.

Форма... Скомканная постель... Небрежно брошенная подле обуви...

Словно он не покидал «Европу», а пришел в свою каюту после долгой утомительной вахты и завалился на койку прямо в одежде... Может ли быть такое?.. Мне просто приснился весь этот бред?!

Нет... не приснился. Каютка была чужой.

Не в силах больше выносить неопределенность, он встал, дошел до двери, где был укреплен стандартный интерком, и с силой вдавил клавишу связи.

На крохотном экране появилось хмурое лицо незнакомого офицера.

Несколько секунд тот вглядывался в расположенный перед ним монитор, морща лоб, словно пытался вспомнить лицо Велехова, а затем, очевидно, вспомнив, кто это такой, ворвался на линию общекорабельной связи и молчит, глядя на него, как на восьмое чудо света, вдруг скинул маску раздраженной усталости и сказал достаточно приветливо:

– Денис Андреевич, если не ошибаюсь? Велехов?

– Да, офицер, – машинально ответил Денис, чувствуя, как дрожь, что пришла на смену жару, гуляет по телу волнами нехорошего озноба.

Не верил он. Все было как-то неправильно... Не могло быть именно так.

«Я умер...» – нашептывало подсознание, и от этой мысли становилось не по себе.

Денис считал себя боевым офицером и делал это по праву.

Война вышибает из головы одни иллюзии и неизбежно порождает другие. Единственное, к чему отношение всегда одинаково и неизменно, так это к смерти.

Слишком много отвратительного, страшного скрывает в себе данное таинство, а на войне, выставленное напоказ, грязно политое кровью, оно приобретает особую, удручающую окончательность.

Если бы Денис не видел мертвых тел, что плавали в вакууме около взорванных кораблей, то, быть может, он не испытывал бы сейчас той мучительной раздвоенности, глядя на лицо незнакомого вахтенного офицера, который явно имел на его счет определенные инструкции и в данный момент изо всех сил старался остаться если не любезным, то, по крайней мере, вежливым.

– Я должен направить вас по определенному маршруту, господин Велехов, как только вы очнетесь, – сдержанно сообщил он.

– Но я... – начал было Денис.

Офицер прервал его понимающим кивком.

– Я знаю, лейтенант, у вас масса вопросов, и, возможно, весьма личных. – Он еще раз кивнул, словно убеждая самого себя, что дело обстоит именно так. – Прошу, вас ждет командир корабля, генерал Дорохов. Он хотел лично переговорить с вами, как только представится возможность. Я уже передал сигнал на его интерком и получил подтверждение.

Денис кивнул. А что он мог возразить?

Едва оправившись от осознания собственной материальности, плохо представляя, где он находится и что с ним стряслось, он, естественно, не собирался выяснять отношения с незнакомым офицером по общекорабельной сети.

Он ограничился лишь тем, что узнал, как найти генерала, и отключил интерком.

Крохотный экран погас, а он продолжал стоять, босой, но в помятой форме, подле двери каюты, вдыхая знакомые по многим космическим кораблям запахи, в которых смешивались флюиды перегретой пластмассы и плохо очищенного воздуха.

Эту гамму нельзя было спутать ни с чем, и он внезапно поверил. Ну не могло быть у него столь явственного, натурального бреда, да и почему? Почему бы ему не оказаться тем самым счастливым, одним из миллиона, кто спасся, избежал неминуемой смерти самым чудесным образом?

Как и любому человеку, ему страстно хотелось верить в такую немыслимую удачу... Жизнь... Это слово звучало как заклятие в его голове.

И все-таки он сомневался. Чувство казалось глупым, иррациональным, но навязчивым, словно зубная боль.

* * *

В каюте Дорохова едва слышно вздыхал кондиционер.

Генерал сидел за привинченным к полу рабочим столом, который со всех сторон обступали приборные консоли. В углу бесформенной кучей валялись смятые курсовые ленты и прозрачные листы навигационных карт. Несмотря на работу кондиционера, в воздухе витал стойкий аромат сигаретного дыма.

Услышав шелест раздвигающейся двери, Дмитрий Алексеевич поднял взгляд на вошедшего.

– А, Велехов! Входи, лейтенант, входи, – зычным басом поприветствовал он Дениса и, увидев, что тот вскидывает руку, добавил:

– Брось, не напрягайся. Садись.

Денис сел в предложенное кресло, которое не отличалось ни удобством, ни изяществом форм, так, выдранный с какого-то поста противоперегрузочный каркас с тонкой прослойкой поролона под задом. Велехов не был новичком в космосе, он летал давно и уже ничему не удивлялся, потому что знал, как быстро преображались космические корабли в период боевых действий. Этот отсек не являлся исключением. Даже неискушенный взгляд мог определить, что в недалеком прошлом это был кусок радиального коридора, а вот приварили пару переборок, поставили пульта, и пожалуйста: каюта, боевой пост, контрольный отсек и генеральская спальня – все в одном «флаконе».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.